

Елена Артамонова

Будьте
прокляты,
палачи!

Елена Артамонова

Будьте прокляты, палачи

«Издание книг ком»

2013

УДК 82-31
ББК 84-44

Артамонова Е. В.

Будьте прокляты, палачи / Е. В. Артамонова — «Издание книг
ком», 2013

ISBN 978-5-91775-126-9

События книги разворачиваются в альтернативной реальности в одной из европейских стран, оккупированных Гитлером после победы во Второй мировой войне. Но моя книга не только модель абсурдной действительности, где зло называют добром, а новые хозяева мира, примерив личину демократии, истребляют народы уже не под предлогом расовой неполноценности, а руководствуясь идеей борьбы с призрачной угрозой коммунистического терроризма. Для меня это история маленького мальчика, отправившегося искать радугу и заблудившегося в лесу смерти. Про таких, как Игор, говорят «обычный парень». Он не был крутым героем-суперменом, но близко к сердцу принимал чужую боль и верил в справедливость. Именно на плечи таких, как он, «простых парней» во все века ложится самый тяжелый груз, и на их долю выпадают жестокие испытания. Впервые Игор столкнулся с несправедливостью еще в детстве, оказавшись свидетелем полицейской облавы, – гестапо преследовало юную участницу Сопротивления. Тогда-то, наверное, и начался обратный отсчет его жизни, где каждый день и час приближали к неизбежной гибели. Игор не мог равнодушно наблюдать за происходящим вокруг, юношей вступил в Сопротивление, считая, что обязан бороться за освобождение своей родины. Попытки, тюрьма, одиночное заключение, – такой оказалась расплата за идеалы и юношеские мечты, так начался путь на Голгофу. Игор прошел его до конца, сохранив в сердце доброту и любовь. Я верю: «Такие, как Игор, не умирают. Чистые светлые души побеждают смерть и всегда возвращаются домой».

УДК 82-31

ББК 84-44

ISBN 978-5-91775-126-9

© Артамонова Е. В., 2013

© Издание книг ком, 2013

Содержание

Пролог	7
Экскурсионный тур	7
Черные демоны	8
Ужин при свечах	10
Праздник над бездной	11
Две фотографии	14
Глава I. Путешествие за радугой	16
Глава II. Конец детства	21
Глава III. Легенда о Минотавре	25
Глава IV. По склону...	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Елена Артамонова

Будьте прокляты, палачи!

*Посвящается всем жертвам фашизма, прошедшим сквозь огонь
земного ада*

Пролог

Экскурсионный тур

Самолет скользил над облаками, неумолимо приближаясь к раскинувшейся внизу земле. Джейн сидела у иллюминатора, созерцая серо-голубой пейзаж, – таинственный, переменчивый ландшафт, созданный из невыплаканных слез дождя. Наушники висели на шее, из них доносилось журчание слов: равнодушный женский голос рассказывал о предстоящем экскурсионном туре.

– Вторая мировая война оборвала связь между американским континентом и Евразией, поэтому несколько поколений американцев были лишены возможности знакомства с культурными ценностями Старого Света. Однако теперь, когда Евразия вновь встала на путь демократии, а нацистское правительство подписало Всемирную конвенцию о правах человека, между нашими сверхдержавами стал возможен культурный обмен. Туристическая компания «Тревел Евразия» одной из первых начала проводить экскурсионные туры в Старый Свет. Мы предоставляем нашим клиентам уникальную возможность собственными глазами увидеть великие памятники культуры, посетить знаменитые европейские музеи...

Облака напоминали острова, провалы между ними – водную гладь, сквозь глубину которой можно было различить дно воздушного Океана – зеленовато-бурую поверхность, расчерченную квадратами полей и тонкими ниточками рек. Воздушные замки возвышались над туманными берегами, а над всем этим безмолвным ледяным великолепием в пронзительно-синем небе сияло солнце.

Но вот облака отступили, гладь воздушного океана очистилась от островов, и отчетливо, до мелочей, стало видно его дно – крошечные кубики домов, ленты шоссе, лоскуты полей. Пожирая пространство, самолет стремительно приближался к земле. Пристегнув ремень, Джейн приготовилась к посадке...

Черные демоны

Аэропорт имени Адольфа Гитлера был не слишком гостеприимен к прилетевшим из океана гостям. Первый раз документы проверили еще у трапа самолета, затем удивленные такой встречей туристы быстренько погрузились в подкатившие к самолету автобусы и в сопровождении угрюмого полицейского проследовали к зданию аэропорта. Джейн одной из первых вышла из автобуса, полной грудью вдохнула горячий, как ей показалось, пахнувший солнцем воздух.

Над размякшим от зноя асфальтом поднимались струйки нагретого воздуха. Было очень жарко, но она так и не сняла легкой облегающей куртки с длинными рукавами. Взгляд скользнул по зеркальной стене терминала, темное зеркало отразило фигуру стройной худощавой девушки с ультрамариновыми, по последней моде, волосами и серебристой сумкой через плечо – единственным багажом, который путешественница взяла с собой в заокеанский вояж.

Здание аэропорта подавляло своими размерами, но, несмотря на хваленую немецкую аккуратность, почему-то казалось грязным. Откуда взялось это ощущение, Джейн вряд ли смогла бы сформулировать, возможно, из-за преобладания серых тонов, а может быть, из-за обилия нацистской символики, к которой девушка испытывала отвращение.

На паспортном контроле выстроилась длинная очередь, – документы проверяли придирчиво, и под холодными взглядами женщин в безупречно сидевшей форме каждый начинал чувствовать себя преступником. Здесь же, равно как и у входа в терминал, были развешены листки с фотографиями разыскиваемых «террористов». Стоявшая в толпе путешественников Джейн нахмурилась, внимательно всматриваясь в юные лица «преступников».

– Первый раз в этой дыре? – отвлек от раздумий незнакомый голос.

Джейн обернулась. Позади стояла немолодая женщина, типичная недовольная всем туристка, одна из тех, кто, путешествуя по миру, не видит ничего вокруг, занятый лишь собственным эго.

– Да, в первый.

– Я тоже, но до того мне много пришлось поездить... – далее последовал перечень модных курортов, которые спутница Джейн успела почтить своим присутствием. – По сравнению с ними, местный сервис, конечно, выглядит достаточно убого, но что ни сделаешь, лишь бы своими глазами увидеть шедевры архитектуры! Туристические буклеты уверяют, будто нас ждут незабываемые впечатления. Думаю, это рекламный трюк. Впрочем, посмотрим. А еще не зря говорят, – у всякой медали есть две стороны, ходят слухи, что, помимо богатого культурного наследия, здесь можно встретить чрезвычайно опасных бандитов.

– Бандитов? – Джейн впервые прямо посмотрела на собеседницу, почти такие же синие, как волосы, глаза девушки потемнели и стали печальными.

– О, вы ничего не знаете?! Не удивительно – реклама о таких «пустыках» умалчивает. Вот, кстати, повод для судебного иска... Говорят, здесь обитают какие-то дикари, недочеловеки, хорошо еще, не людоеды, хотя, кто знает? Впрочем, Евразия – сильное государство, гарантирующее безопасность всем своим гостям. А бандиты... Этих ублюдков надо держать в клетке, а еще лучше... Ну, вы сами понимаете. Мы же живем в цивилизованном мире.

С безопасностью здесь действительно все было в полном порядке. После многочисленных проверок в терминале автобус, везший туристов, остановился у пропускного пункта, за которым метрах в пятидесяти возвышалась высокая бетонная стена, увенчанная гирляндами блестящей на солнце новенькой колючей проволоки. У шлагбаума толпилось несколько полицейских в черной форме, напомнивших Джейн гротескных персонажей комиксов. Черные пуленепробиваемые доспехи делали их похожими на фантастических воинов-демонов, а сход-

ство довершало то, что у обвешанных оружием монстров не было лиц – только шлемы с зеркальными забралами, отражавшие сияние немилосердного солнца.

Джейн глубоко вздохнула, пытаясь побороть страх, но предательский холодок уже закрался в душу, а пальцы невольно впились в обшивку кресла. Ища спасения в разговоре с соседкой, она заулыбалась, закивала головой, задавая какие-то вопросы и стараясь не думать о черных демонах, подошедших к автобусу. Однако, вопреки опасениям Джейн, пассажиров больше не проверяли. Водитель предъявил пропуск, поднялся шлагбаум, а вслед за ним раздвинулись тяжелые ворота, открывая путь к свободе.

Автобус стремительно ехал по шоссе, оставив позади огромное строение аэропорта. Руководитель группы – неопределенного возраста женщина с белесыми волосами и водянистыми глазами, начала рассказ, который Джейн не слушала, думая о своем. Черные демоны остались позади, а шоссе, словно клинок, рассекавшее равнину, вело в те края, где жили облака.

Ужин при свечах

Представления о роскоши не менялись веками. Дорогой отель впечатлял клиентов зеркалами, позолотой, живыми цветами и всевозможными чудесами электроники, тщательно замаскированными под антиквариат. Ресторан находился на просторной, украшенной скульптурами террасе, возвышавшейся над городом, а сам отель издали напоминал парящий над бездной волшебный корабль. Большая часть террасы была застеклена, – с океана дул сильный ветер, способный разрушить идиллию роз, хрусталя и горящих свечей.

Джейн вышла на открытое пространство, ветер моментально ударил в лицо, обдав брызгами дождя, наполнил легкие холодным воздухом. Отель стоял на горе, а внизу раскинулся мерцающий золотыми огнями большой город, куда, как знала Джейн, не рекомендовалось ходить без сопровождения гида. Но наверху царило сытое благополучие, и было позволено все. Дорогая туристическая путевка перевела Джейн в разряд небожителей. Это было непривычно и неприятно, а собственное отражение в многочисленных зеркалах почти пугало девушку. Еще раз окинув взором темную стену океана и залитый золотом город, продрогшая Джейн вернулась в ресторан.

Группа из двенадцати туристов вместе с руководительницей группы расположилась за овальным, покрытым белоснежной скатертью столом, неспешно вкушая изысканные блюда. Чинный ужин незаметно подходил к концу, тихонько позвякивало столовое серебро (хотя, скорее всего, это была лишь удачная имитация антиквариата), огоньки свечей наполняли отблесками алого огня бокалы с дорогим вином.

– И еще один момент, господа. Прежде чем рассказать вам о наиболее интересных экскурсионных маршрутах и памятниках культуры, я бы хотела затронуть одну деликатную тему, – негромко, но твердо произнесла женщина с водянистыми глазами, отрывая гостей от десерта. – Эта информация не передается огласке, но все прилетевшие к нам должны знать, что необходимо избегать контактов с недочеловеками, которых вы легко узнаете по желтым звездам на одежде. Это делается ради всеобщего блага и безопасности. Естественно, мы говорим, прежде всего, о вашей безопасности. Дело в том, что до великой победы фюрера в этой евразийской провинции обитала низшая раса человекоподобных существ, отсталая, дикая форма жизни. Аборигены были опасны для окружающих, однако, благодаря продуманным действиям третьего рейха, их удалось частично приручить. Теперь они работают на нас, но на самом деле представляют собой не полноценных людей, граждан нашего великого государства, а нечто вроде одомашненных животных. Контакттировать с ними не рекомендуется. Впрочем, я думаю, что никому это и в голову не придет, – недочеловеки отличаются редкостной тупостью, ослиным упрямством, агрессивностью, а ко всему прочему даже пары слов не способны связать в разговоре. Но, довольно о неприятном. Завтра всех желающих ждет обзорная экскурсия и знакомство с местными достопримечательностями...

Ужин закончился. Туристы неторопливо покидали зал. Немолодой, respectable вида мужчина, сидевший за столом рядом с Джейн, попробовал продолжить начатый разговор, намекая на романтическое развитие знакомства, но девушка не поддержала его. На душе было горько, как бывает горько, когда гибнет очередная надежда и становится понятно, что выхода из западни нет. А дождь все сильнее барабанил по огромным окнам отеля, словно пытаясь достучаться до тех, кто находился внутри.

Праздник над бездной

Стеклянные двери отеля беззвучно сомкнулись за спиной Джейн. Отказавшись от обзорной экскурсии, она решила в одиночестве прогуляться по городу, окунуться в незнакомую атмосферу, попробовать немного узнать и понять его. Путеводитель, полученный на рецепшен, сулил встречи с музеями, соборами и монументами фюрера, что совершенно не устраивало Джейн. Перелистав глянцевые страницы, девушка все же отыскала подходящий маршрут, – возле очередного древнего собора на карте был отмечен железнодорожный вокзал. Поезд мог увести от надменных лиц, стеклянных взглядов и дорогих авто. Джейн сносно объяснялась на немецком, поэтому предстоящее путешествие не пугало ее, напротив, пробуждало азарт и стремление действовать. На самом деле, у нее было не так много времени, чтобы научиться жить на чужой земле...

Определившись с целью прогулки, туристка села в такси, назвав адрес старинного собора. Поездка продлилась не долго, и вскоре Джейн оказалась предоставлена самой себе, очутившись в центре незнакомого города. Мельком взглянув на громаду готического храма, она решительно зашагала к расположенному неподалеку вокзалу.

Черные пауки свастика резали взгляд, а в остальном это был обычный вокзал – шумный, многолюдный, навевающий грезы о долгих путешествиях, столь любимых в далеком детстве. На пути Джейн все чаще встречались люди с желтыми звездами на одежде, те, кого нынешние властители Евразии называли недочеловеками и кто на самом деле являлся коренным населением этих земель. Бездушная чопорность центральных кварталов, уступила место суете обычной жизни, взгляды не царапали душу, а в голосах звучало больше тепла.

Джейн подошла к схеме, рассматривая нанизанные на нитку железнодорожных путей бусинки станций. Дорога тянулась вдоль реки, затем сворачивала на побережье. Океан был виден из окон отеля, но девушке захотелось пройти по влажному песку, зачерпнуть ладонью холодную воду. Она не знала, где находится ближайший пляж, но почему-то не захотела спрашивать об этом проходивших мимо людей, доверившись интуиции. Джейн понравилось название одной из станций и, шагнув к окошку кассы, она попросила:

– Пожалуйста, мне нужен один билет до Сосновой Бухты, в два конца.

За окнами поезда проплывали невысокие зеленые горы, казавшиеся особенно уродливыми на их фоне фабрики, жилые кварталы тянувшихся один за другим городков и поселков. Постройки вдоль железнодорожных путей пестрели лозунгами и рисунками, большая часть которых проступала через скрывавший их слой недавно положенной светлой краски. Джейн попыталась прочесть то, что было там написано, но не смогла, – поезд слишком быстро уносил ее вперед.

Сосновую Бухту называли поселком, но на самом деле это был небольшой ухоженный городок с крутыми улочками и старинными, в несколько этажей, зданиями. Дома теснились плотной толпой, примостившись на склоне спускающегося к океану берега, а над черепичными, утыканными антеннами крышами кружили крикливые чайки.

Похоже, Джейн попала на какой-то праздник. Нарядные жители Сосновой Бухты, кто группками, кто поодиночке, направлялись в центр поселка, где начались народные гулянья. Подхваченная людским потоком, немного растерявшаяся от шумного многолюдья туристка вместе со всеми устремилась на площадь мэрии, где и проходили основные торжества. Повсюду виднелись веселые лица, с соседних улочек доносились обрывки необычных, но сразу находивших отклик в сердце, мелодий, слышался детский смех. В толпе сверкали желтыми искрами нашитые на одежду звезды, но зато в общем гуле голосов не звучала ненавистная немецкая речь... С площади доносились аппетитные запахи – там на лотках торговали выпечкой и дешевым местным вином. Милый, словно игрушечный, городок с его беззаботными жителями и

незатейливым весельем казался удивительно знакомым, почти родным, и Джейн в какие-то моменты начинала думать, будто вернулась домой, в детство, да только старые друзья почему-то не узнавали ее, словно она превратилась в невидимку.

Чудилось, она почти обрела потерянный рай, но, вопреки нахлынувшим чувствам, понимание того, что она ошиблась и эта гостеприимная земля не станет для нее домом, возникшее в терминале аэропорта, стало еще отчетливее. Веселье над бездной, пир во время чумы, праздник обреченных, не желающих знать о своей доле, и черная тень свастики, простирающаяся над беспомощной, умирающей Европой... Надо было идти дальше, точнее, бежать по темной дороге, ведущей в никуда, разыскивая то, что уже давно не существовало в этом мире.

Мрачные размышления терзали случайно попавшую на чужой праздник заокеанскую туристку, в то время как люди, заклеенные желтыми звездами, были счастливы, словно не сознавая своего жребия. Так, во всяком случае, думала Джейн, протискиваясь сквозь плотную подвыпившую толпу, заполнившую переулок, и засекая в памяти сияющие улыбками лица случайных прохожих. Пробравшись на площадь, она оказалась втянута в веселую круговерть, ей улыбались, протягивали руки, она заулыбалась в ответ. Страх и тоска, что жили в душе, исчезли, и она снова почувствовала себя совсем юной, без забот и тревог, словно кто-то вырвал из книги ее жизни те страшные страницы...

На миг Джейн поверила, что окунулась в нормальную, обремененную простыми заботами и наполненную нехитрыми радостями жизнь, в которой нет места бредням о превосходстве одной расы над другой. Но только на мгновение, до тех пор, пока не заметила развешенные тут же, среди киосков, фотографии людей, большинство из которых были совсем юными. Иллюзия беззаботности исчезла. Здесь умели отдаваться веселью, но помнили о страшной беде, постигшей их землю. Увидев фото, Джейн поняла, что к празднику, проходившему в поселке, была приурочена акция в поддержку политзаключенных. Девушка видела подобные мероприятия у себя на родине, но там они проходили в более напряженной обстановке, почти всегда заканчиваясь столкновением с полицией, а здесь напоминали большой семейный праздник.

Не к добру припомнила Джейн крутых американских копов. Едва она протиснулась к одному из лотков, решив отведать местного вина, как увидела тех, кого успела прозвать черными демонами. Полицейские с пластиковыми щитами в руках, выросли, словно из-под земли, перекрыв выходы с площади. Веселье продолжалось еще какое-то время, до тех пор, пока, стуча дубинками по щитам, демоны не двинулись вперед, сгоняя толпу к одному краю площади. Никто не запаниковал – все роли были распределены давно, а сценарий отработан до мелочей. Женщины и дети отступили назад, их заслонили крепкие ребята, в руках которых, как по волшебству, появились булжники. По мостовой поползли змеи слезоточивого газа.

Понимая, что не должна впутываться в противостояние, Джейн прошмыгнула в находившийся рядом бар. Объяснять ничего не пришлось, хозяин молча указал вглубь помещения и, проследовав через подсобку, девушка выбежала в соседний переулок. На площади уже слышались крики и выстрелы.

Быстро смеркалось, небо затянули облака, ночь пришла раньше срока, накрыв Сосновую Бухту плотным покрывалом темноты. Начал накрапывать дождь. Джейн осмотрелась. Карты под рукой не было, но где находился вокзал, она представляла. Следовало обойти оцепленные кварталы, спуститься к реке, а затем двигаться по набережной, тянувшейся вдоль железнодорожных путей. Минут за десять быстрой ходьбы Джейн могла добраться до вокзала и успеть на семичасовой поезд.

Она торопливо шла по безлюдной улице, как вдруг, неожиданно вышедшие из подворотни полицейские преградили ей дорогу, отеснив к стене. Ужас на миг парализовал Джейн, но она смогла взять себя в руки, – документы были в полном порядке, и у нее оставался шанс разыграть перед патрулем роль наивной овечки, отбившейся от туристического стада.

– Простите, вы не подскажете, как пройти к вокзалу? Я отстала от группы... – начала девушка, но тут же получила по голове дубинкой.

– Я иностранка! Я прилетела сюда с экскурсией!

Спустя несколько мгновений и ударов, до патруля все же дошла суть сказанного, однако новая информация ничего не изменила.

– Да хоть ты из океана вынырнула, русалка, ты баба, а значит, свое получишь.

Кажется, из-под зеркального шлема донеслись именно эти фразы, а возможно, что-то иное – суть происходящего была понятна и без слов. Кто-то из троих грубо сжал ее бедро, кто-то начал расстегивать ремень брюк, кто-то захохотал, отпуская непристойные шутки... Все повторялось, как в кошмарном сне, возвращая в прошлое. На смену ужасу пришла ненависть – к этим гогочущим кобелям, к собственному бессилию, к нелепости всей жизни. Ненависть вернула силы.

Понимая, что сопротивляться невозможно, Джейн неожиданно обмякла и очень реалистично, словно действительно потеряла сознание, начала сползать вниз, рухнув лицом вниз в ближайшую лужу. Тело ощутило свободу, и нескольких мгновений замешательства хватило на то, чтобы ловко прокатиться под ногами полицейских, вскочить и стремглав броситься прочь. Девушка сломя голову мчалась по улице под струями усиливающегося дождя, но тяжелый топот ног и брань позади не стихали, трое упорно продолжали преследовать ускользающую добычу, разгоряченные бегом и близостью жертвы.

Возникший впереди парапет набережной показался дорогой, ведущей к избавлению. Любому. Жизнь и смерть больше не имели значения, лишь бы только не попасть в руки тех троих, не чувствовать у себя на лице их дыхание. Подбежав к закованному в камень берегу, Джейн не раздумывая, перемахнула через перила, нырнув в темную воду текущей к океану реки...

Две фотографии

– Где они? Отстали? – спросила Джейн, крепко сжав протянутую руку женщины, помогшей ей выбраться на дощатый настил пристани.

– Отстали. Сейчас тебя не станут искать. Не имеет смысла. Ты или кто-то другой, какая разница? Рано или поздно гестаповцы придут за каждым, но в свое время. Для них здесь все преступники, даже дети. Но поодиночке оккупанты не суются в наши кварталы. Они вламываются сюда вооруженной бандой, устраивая облавы в середине ночи, когда к людям приходит глубокий сон.

Только теперь Джейн получила возможность осмотреться. Парапет, откуда она прыгнула, скрылся из виду, – у этой спокойной с виду реки было сильное течение. Рядом с выбравшейся из воды беглянкой стояла женщина, лицо которой скрывал капюшон непромокаемого плаща. Чуть поодаль – упитанная некрупная собака, внимательно следившая за происходящим. Пес подрагивал ушами под каплями нескончаемого дождя. Ливень хлестал так, что на берегу было ничуть не суше, чем в реке.

– Спасибо, что помогли выбраться. Теперь только один вопрос – как пройти к вокзалу? Мне надо вернуться в отель. Это в городе.

– Я сразу поняла – ты иностранка, но ты хорошо плаваешь, словно местная.

– У нас тоже есть океан...

– Сейчас в отель лучше не возвращаться. Отдохнешь у меня, приведешь себя в порядок, тогда... Ты еще не знаешь, какие у нас порядки.

– Уже получила некоторое представление. Они всегда бьют по голове, когда задают вопросы?

– Всегда. Мы же тупые недочеловеки, иначе до нас не доходит. Удивительно, что ты сумела от них удрать, для туристки ты слишком быстро бегаешь.

– Пожалуй.

Женщина взяла пса на поводок, и все трое зашагали прочь от черной, поблескивающей золотыми искрами фонарей реки. Темный переулочек, вытянувшиеся вдоль мостовой двухэтажные, приземистые дома, крутые ступени лестницы... Спутница Джейн открыла дверь, пропустила девушку вперед. Вспыхнул свет. Гостья огляделась, – она находилась в узкой, заставленной вещами прихожей, а в дверной проем была видна небольшая комната с плотно задернутыми шторами.

– Я живу одна. Так случилось. Точнее, только я и он, – женщина потрепала по носу недоверчиво смотревшую на Джейн собаку. – Он не кусается, только не пытайся его погладить. Чужих не признает. Проходи в комнату. Кстати, мы еще не знакомы. Меня зовут Мария.

– Джейн. Спасибо за то, что вы отнесли ко мне с таким участием.

– Нельзя бросать людей в беде. Каждый может оказаться на твоём месте.

Горячий душ и сухой халат пришлись кстати, и вот уже Джейн сидела, забравшись с ногами на диван, и пила ароматный чай из местных трав. Приютившая ее женщина расположилась в кресле напротив. Выглядела она лет на пятьдесят, в молодости, возможно, слыла красавицей, но одета была скромно, а волосы, вопреки нынешней моде, не красила, и в ее темных кудрях виднелась седина.

– Кстати, а откуда ты знаешь наш язык?

– У нас в колледже преподавали мертвые языки. Я выбрала один ради интереса. Потому и приехала в эту часть Евразии по турпутевке, здесь когда-то на нем говорили.

– Как видишь, и сейчас говорят.

– Да. Но это же запрещено.

– Они не могут убить всех. Мы помним, кто мы такие, сохранили свой язык, самое дорогое, что у нас осталось. Хотя... Хотя, многие говорят только на немецком и детей своих учат. Каждый все сам для себя решает.

– Подумать только, каких-то сто лет назад на Земле существовали сотни языков! А сейчас только три – немецкий, японский и английский.

– Не верь этому. Повсюду остались люди, продолжающие говорить на родном языке, чего бы им это ни стоило.

– Сегодня был праздник. Я поняла, что он связан с поддержкой политзаключенных. Меня поразила его радостная атмосфера, ведь об этих людях нельзя без боли вспоминать.

– Боль в сердце. Мы помним наших ребят, любим, и наши души всегда будут с ними. Но мы никогда не станем проливать слезы на людях. Фашисты могут пытаться, убивать нас, но они не в силах запретить веселиться и радоваться жизни. Надо жить так, словно нет никакой оккупации. Не замечать своего мучителя – эта высшая форма презрения. Правда, не всегда получается...

Они замолчали. Дождь барабанил по подоконнику, шуршал по листьям, смывая пережитое и внося умиротворение. Голова болела не так сильно, целебный чай помог, и казалось, все плохое осталось позади.

– Это ваш сын? – поднявшись с дивана, Джейн подошла к стоявшей на столе фотографии. Любительский снимок запечатлел парня лет двадцати с пышными вьющимися волосами и беззаботной улыбкой. Дремавший на ковре пес поднял голову, наблюдая за действиями девушки.

– Нет.

– Он умер?

– Да.

– Я поняла. У него очень искренняя добрая улыбка. Люди с такими лицами погибают молодыми. Они обречены. Они слишком живые, чтобы им позволили жить.

– Его зовут Игор. Звали... Хотя до сих пор не могу смириться с тем, что он мертв.

– Его убили они?

– Да. Они. Они не просто убивают – медленно лишают жизни. Высасывают ее каплю за каплей... Охотятся за чистыми, светлыми душами и гасят этот свет. Остается только оболочка – те же черты, то же лицо, но света нет, нет жизни. Там, внутри, только мука и отчаянье. Вот, посмотри сама...

Мария резко поднялась, подошла к столу, достала из ящика еще одну фотографию, протянула Джейн. В первый момент девушка не узнала Игор – короткая стрижка изменила лицо, подчеркнув утонченную красоту черт. Но красота оказалась обманчива, стоило только взглянуть внимательнее. Взгляд полуслепых глаз с набухшими от кровоподтеков веками был полон безысходности и скорби, а на лице сохранились следы от побоев. Фото словно скрывало в себе два изображения, пугая и в то же время, притягивая взгляд.

– Видишь эти губы, они для любви, поцелуев, не для криков боли и проклятий, – негромко произнесла Мария. – Я не могу долго смотреть в его глаза, в них такой укор. Смотришь, а в душе вспыхивает стыд и чувство вины.

– Расскажите об Игоре. Пожалуйста.

– О нем трудно говорить. Можно ли описать словами свет? Свет можно увидеть, почувствовать, ощутить кожей, но не описать... Смотри в глаза Игору, если сможешь вытерпеть этот взгляд, он расскажет тебе свою историю. А я... я только добавлю кое-какие факты...

Глава I. Путешествие за радугой

За двадцать шесть лет до гибели Игора

В каждой капле дождя пряталось крохотное веселое солнышко. Сверкающие капли висели на ветвях деревьев, прыгали одна за другой в стремительно мчавшийся по тротуару ручей. Солнце с нежностью смотрело на зелень молодой листвы, скромные домики на окраине поселка, блестящую ленту дороги, тянущуюся вдоль океанского берега – незатейливый пейзаж, обычно скрытый от светила тяжелыми тучами. Но сегодня облака расступились, и сияющая арка радуги соединила океанский горизонт с берегом, завораживая взгляд удивительно чистыми, неземными оттенками цвета.

Можно ли было в такое утро сидеть дома?! Местную ребятню не пугали дожди, мальчики и девочки из Сосновой Бухты почти все время проводили на улице, радуясь и солнцу, и ливню, и клейким, едва распустившимся листочкам, и лужам под ногами. А сегодняшнее утро вообще казалось волшебным, – роскошная радуга манила к себе, суля невиданные чудеса.

Шумная компания ребятшек, похожая на стайку задиристых воробьев, шлепала по лужам, перемещаясь от дома к дому и собирая заспавшихся приятелей. Малышня уже ходила в школу, однако сегодняшний день был не только днем появления сияющей радуги, но и началом весенних каникул, днем всеобъемлющего, безграничного счастья.

Глазастая девчушка со смешными хвостиками на макушке, отделившись от остальной компании, заторопилась к стоявшему на углу улицы серому двухэтажному дому, одному из тех, что некогда были выстроены для рабочих местной фабрики и занимали почти весь квартал. Она хотела войти внутрь, но ее опередили, – дверь распахнулась, и на улицу выскочил еще один участник веселой стайки. Обладателя пышных вьющихся волос и нежного личика запросто могли бы принять за хорошенькую девчонку, если бы не бойкий, неугомонный нрав да поджившая ссадина на лбу, свидетельствующая о том, что ее обладатель не мог усидеть на одном месте, вечно попадая в какие-нибудь переделки.

Перебросившись несколькими словами с подружкой, мальчик вместе со всеми побежал на примыкавший к поселку пустырь. Там они обычно собирались у построенного собственными руками из старых досок, больше похожего на собачью будку домика, где находился их «штаб». Внутри заходить было боязно – слишком ненадежными казались скрепленные веревочками стены, и компания располагалась вокруг неуклюжего строения. Ребята рассаживались на ящиках и кирпичках, а те, кто посмелее, залезали на ветви старой, склонившейся почти до земли ивы, скрывавшей их убежище от посторонних глаз. Сегодня все разговоры были о радуге, притягивавшей и взоры, и мысли ребятшек.

– Интересно, откуда она берется? – произнесла девочка с хвостиками. – И кто небо разрисовывает? И откуда у него столько красок?

– Нет, Ида, это не краски, – серьезно откликнулся мальчик со ссадиной на лбу. – Радуга состоит из разноцветных бусинок, вроде тех, что носит моя мама, только их еще больше, и они еще красивее сверкают.

– А ты откуда знаешь, Игор? – вмешался в разговор другой мальчишка. – Ведь ты ее вблизи не видел.

– Ну... просто она красивая, как мамины бусы.

– Нет, столько бусинок и во всем мире не наберется, – возразила Ида. – Говорят тебе, радугу нарисовали специальными небесными красками.

Спор разгорелся не на шутку. Каждый с отчаянной убежденностью доказывал свою правоту, и, возможно, дискуссия окончилась бы потасовкой, но тут Игор, тряхнув кудряшками, решительно заявил, что отправится к радуге и сам во всем разберется.

– Я принесу тебе радужные бусинки, Ида. Много-много, сколько захочешь, и ты увидишь, какие они красивые. Кто-нибудь пойдет со мной?

Ребята переглянулись, как по команде запрокинули головы, глядя на радугу. Один ее конец терялся где-то над океаном, а второй находился в лесу, не так уж и далеко от поселка. Но в лес ходить было нельзя, а они еще чувствовали себя слишком маленькими, чтобы нарушить родительский запрет.

– Так вы пойдете со мной к радуге?

– Да ладно, Игор, не надо... – растерянно произнес кто-то из ребятишек. – Заблудиться можно.

Игор уже не слушал, спрыгнул с дерева, намереваясь отправиться в путь. По-правде сказать, ему и самому было страшновато, но в то же время очень хотелось увидеть радугу совсем близко, а самое главное – принести Иде полные карманы разноцветных радужных бусинок.

– Игор! – донеслось вслед, но он, не оглядываясь, побежал по ведущей к лесу тропинке, туда, где за деревьями пряталась радуга.

Лес оказался не так хорош, как представлялся издали. Радовавшая взгляд молоденькая зелень находилась где-то сверху, а перед глазами стояли мрачные стволы деревьев, пространство между которыми заполняли колючие заросли и бурелом, делавшие чащу непроходимой. Остановившись на опушке, мальчик задумался, стоило ли ему идти дальше. Мало того, что он нарушал строгий запрет, в одиночку отправившись в лес, сам план найти радугу казался сейчас почти невыполнимым, ведь сверкающая арка успела померкнуть и, наверное, осыпалась, превратившись в целый холм бусинок, который очень трудно было отыскать в лесных дебрях. Разум подсказывал – надо отказаться от опасной затеи, но это означало бы, что Игор струсил. Представив насмешливые лица Иды и друзей, он решил, что должен попытаться найти радугу, чем бы все это ни закончилось.

Преодолев робость, мальчик пошел по едва различимой лесной тропинке. По его расчетам, радужные бусинки должны были находиться недалеко от опушки, но тропа отклонялась в другую сторону, уводя от цели. Мужественно терпя боль от впивавшихся в кожу колючек, Игор свернул в заросли, продираясь сквозь цеплявшиеся за одежду кусты ежевики. Незаметно его охватил азарт, и, позабыв о сомнениях, он, как мог быстро, зашагал к своей призрачной цели.

Небольшая поляна, открывшаяся взгляду, была пуста, но в просвет между кронами заглянуло солнце, и в голубом небе вновь засияла такая близкая и прекрасная радуга. Теперь Игор не сомневался, что сумеет достичь ее, надо только поторопиться, успеть прежде, чем она погаснет, рассыплется, превратится в груды разноцветных бусинок. Не разбирая дороги, мальчик с удвоенной энергией ринулся в дебри леса, перелезая через поваленные стволы и продираясь сквозь колючие заросли. Тщетно. Минута уходила за минутой, ноги и руки были разодраны в кровь, а радуга так больше и не появлялась, растаяв среди темных облаков.

Когда стало очевидно, что сверкающие бусинки не найти, Игор задумался о возвращении домой. Но лес был суров по отношению к маленькому мальчику, нарушившему запреты и вторгшемуся в его владения. Где-то высоко над головой шумели ветви деревьев, небо заволочило тучами, начал капать мелкий дождь. Время текло стремительно и как-то странно. Казалось, рискованное путешествие началось совсем недавно, а солнце незаметно успело преодолеть долгий путь по небосводу, неумолимо приближаясь к горизонту.

Холодный туман одиночества окутал мальчика, ему представилось, что лес не имеет ни начала, ни конца и вокруг нет ничего, кроме огромного жуткого леса, а последний живой человек на Земле он – Игор, и старые деревья терпеливо ждут, когда за ним придет смерть.

Страх закрадывался в душу, холод сковывал тело, но Игор все еще верил, что сумеет выбраться из леса. Ему следовало только отыскать дорогу к океану, и тогда он непременно вернется домой. Сначала мальчик пробовал кричать, звать на помощь, но от этого становилось

только хуже, – слабый детский голосок таял в пустоте, делая одиночество еще более очевидным и страшным. Незадачливый искатель радуги прислушался.

Гул, наполнявший лес, мог быть и рокотом штормившего океана, и шумом терзавшего кроны деревьев ветра. Он слышался повсюду, сбивая с толку и не позволяя найти нужное направление. Игор попытался сориентироваться на местности, лихорадочно вспоминая, как определяют стороны света, но только окончательно запутался и растерялся. А деревья вокруг были похожи на колонны огромного храма, со всех сторон доносились странные звуки, от которых холодела в жилах кровь. Протяжно и страшно ухала сова... Темнота стремительно окутывала лес, лишая последней надежды на спасение.

Ночь. Непроглядная темень. Крошечный живой комочек, забившийся в углубление между корнями старого дерева. Ни страха, ни голода, ни холода – чувства исчезли, осталось лишь оцепенение. Только бы пережить ночь, дотянуть до утра, только бы снова увидеть солнце...

Послышавшееся вдалеке стрекотание мотора заставило мальчика насторожиться. Этот звук не принадлежал лесу, – он был чужим и от того еще более страшным. Инстинкт подсказал Игору глубже зарыться в прошлогодние листья, слиться с лесом, сделаться его частью. Лес пугал, но то, что приближалось, было намного ужаснее.

Вдали, над кронами деревьев возник падавший с неба голубой, слепящий сноп света. Луч прожектора выхватывал из темноты стволы деревьев, словно вызывая призраки из мрака небытия. Похожий на страшную птицу вертолет, летел прямо к поляне, на которой прятался Игор, а вскоре из чащи леса донеслись грубые голоса, выкрикивавшие слова на чужом языке.

Бывают моменты, когда возраст не имеет значения, и ребенок стремительно взрослеет перед лицом смерти. Игор не думал, откуда прилетел вертолет, не знал, чего хотели приближавшиеся к поляне люди, но ощущал всем своим существом исходящую от них смертельную опасность.

Вертолет завис над поляной. Стройные, как колонны, стволы явились из темноты. Происходившее напоминало видение из ночного кошмара. Казавшаяся черной земля, окрашенные неестественным светом деревья, не принадлежащие людскому роду существа в уродливой амуниции, поблескивающие под лучами прожектора забрала шлемов...

Игор почти перестал дышать, зажмурился, но даже сквозь плотно сомкнутые веки видел страшный свет, представляя монстров без лиц, приближавшихся к нему тяжелой поступью. Неожиданно свет заслонила тень, мальчик не выдержал, открыл глаза, хотя и понимал, что сейчас увидит свою смерть. Нога в армейском ботинке заслоняла половину мира. Он отчетливо видел ребро заляпанной грязью толстой подошвы, перекрестье шнурков, прилипший к носку ажурный, полусгнивший прошлогодний листок березы. Еще шаг, и нога безликого монстра опустится на его голову, расколется череп, как хрупкую раковину улитки. Но Игор не закричал, не шелохнулся, он просто ждал, когда закончится его жизнь, не пытаясь ничего изменить и не ища спасения.

Наверное, полицейский простоял возле дерева, где прятался мальчик, всего несколько секунд, но казалось, что они продлились больше вечности. Не найдя на поляне разыскиваемого беглеца и не заметив зарывшегося в листву маленького мальчика, участники облавы двинулись дальше. Сноп света переместился влево, монстры в черном пошли своей дорогой, так и не забрав жизнь Игоря. Вскоре все стихло.

Она больше не могла бежать. Сердце стремилось вырваться наружу, легкие горели, боль разрывала мышцы, выворачивая наизнанку, ноги подкашивались. Не выдержав, девушка без сил рухнула на прелую листву, больно ударившись локтем о торчавший из земли корень. Но останавливаться означало – умереть, и юная беглянка, пересилив себя, поднялась на четвереньки, а потом, едва сдержав стон, – на ноги. Вертолет болтался метрах в двухстах от поляны

и, кажется, удалялся. В душе вспыхнула надежда, но девушка понимала, все может измениться в любой миг, и единственный шанс на спасение – бегство, а потому она должна двигаться вперед, каких бы усилий это ни требовало.

Еще несколько метров, еще несколько шагов... Тело отказывалось подчиняться, передышка была жизненно необходима, и беглянка снова опустилась на землю, села, прислонившись к стволу дерева. Внезапно она поняла, что не одна. Рядом, среди листвы, находился еще кто-то. Спрятавшийся, затаившийся, живой. Зверь убежал бы, испугавшись неожиданного соседства, но зарывшееся в листья существо не шевелилось.

– Кто здесь? – прошептала она и начала на ощупь разгребать листья. – Ты кто?

Темнота скрывала тайну. Пренебрегая опасностью, девушка достала маленький фонарик, включила его, прикрыв полую куртки. Свет вспыхнул всего на мгновение, осветив смертельно испуганного ребенка с ангельским личиком. Сжавшись в комок, он с ужасом смотрел прямо перед собой.

– Не бойся. Я не из них. Видишь?

Подняв глаза, Игор увидел молоденькую, растерянную и испуганную не меньше его самого девчонку – затравленную беглянку, нашедшую приют в страшном лесу.

– Как тебя зовут?

– Игор, – чуть слышно откликнулся мальчик.

– А я – Мария. Ты заблудился?

Он не ответил. Теперь, когда оцепенение прошло, Игор почувствовал, как из глаз хлынули слезы. Но плакать надо было очень тихо, чтобы не услышали те, безликие, в тяжелых ботинках... Маленькое тело сотрясали беззвучные рыдания, руки потянулись к Марии. Она могла защитить, могла вывести из леса смерти, с ней было не так жутко. А девушка, еще недавно ощущавшая себя беспомощной жертвой, прижала ребенка к себе, услышала, как бьется его сердечко, почувствовала тепло нежной детской кожи под мягкими волосенками...

– Не плачь. Я отведу тебя домой. Все будет хорошо.

Ночной лес вернулся к привычной жизни. Рокот вертолета стих, судьба подарила Марии короткую передышку. Сознание выпавшей на ее долю ответственности придало новые силы. Девушка достала компас.

– Откуда ты?

– Из Сосновой Бухты.

– Дорога проходит поблизости. Неподалеку я видела какой-то поселок. Наверное, это и есть Сосновая Бухта. Только идти придется почти вслепую. Фонарь зажигать опасно. Справишься?

– Угу, – откликнулся успевший вволю выплакаться и немного успокоившийся Игор.

Двое двинулись в трудный путь, на ощупь продвигаясь вперед. Мария не включала фонарик и, крепко сжав ладошку мальчика, пробиралась между почти неразличимыми в темноте деревьями.

– Прикрой лицо рукой, ветки могут поранить глаза. Хорошо?

– Да.

Страхи остались в прошлом, и теперь Игор чувствовал себя участником увлекательного приключения. Пусть он не нашел в лесу радугу, зато оказался в центре рискованных событий, о которых потом можно будет рассказать Иде и остальным ребятам. Вот только мама о нем, наверное, очень беспокоилась. От мыслей о матери к горлу снова подступали слезы, но Игор понимал, что такому взрослому парню, как он, стыдно хныкать, словно девчонка. По правде сказать, возвращаться домой не хотелось, ведь там его ждал отцовский ремень и вполне заслуженное суровое наказание. Если бы не мама, Игор, наверное, попросил бы Марию взять его с собой. У девушки была такая интересная, похожая на страшную сказку жизнь, а самое главное – она могла делать все, что пожелает, не спрашивая разрешения родителей. Размечтавшись

о приключениях, мальчик едва не упал, споткнувшись о корягу, и крепче сжал ладонь своей спутницы.

– Все в порядке? Ты не ушибся?

– Нет. Они за тобой охотились, Мария?

– За мной.

– Но тогда тебе надо бежать дальше.

– А я и побегу. Только сначала отведу тебя домой. Ничего страшного. Им и в голову не придет искать меня возле поселка.

Мария лукавила. Она боялась случайной встречи с полицией, но ответственность за ребенка заставляла идти на риск.

– А ты стрелять умеешь?

– Да.

– Здорово. И у тебя есть настоящий пистолет?

– Сейчас – нет.

– Жалко...

Игор замолчал, старательно вышагивая рядом с Марией. Вскоре они вышли к дороге. Брезжил рассвет. Девушка с тревогой осмотрелась по сторонам, потом перевела взгляд на своего маленького спутника. Сердце сжимала тоска, стоило только представить, как этот тоненький, хрупкий мальчик один идет по пустынной дороге. Его могла сбить машина, да мало ли еще что... Решительно развернувшись, девушка зашагала в сторону Сосновой Бухты.

К счастью, никто не встретился на их пути, а через полчаса ходьбы впереди замаячили находившиеся в низине крыши домов.

– Это твой поселок?

– Да.

– Дальше иди сам. Не заблудишься?

– Нет, – Игор энергично замотал головой. – Пойдем со мной, Мария. Мама тебя накормит.

– Спасибо. Но я не хочу принести беду в твой дом. Тех, кто помогает таким, как я, считают преступниками, бросают в тюрьмы, убивают.

– Но ты же хорошая, ты мне помогла.

Девушка не ответила. Присев на корточки, крепко обняла мальчика, поцеловала в макушку.

– Счастья тебе, Игор.

– И тебе счастья, Мария. Удери от них, оставь с носом.

– Постараюсь. Спасибо.

Для сентиментальных прощаний не было времени. Не оглядываясь, Игор побежал по дороге в сторону дома, а Мария нырнула в чашу леса. Бегство продолжилось. Она все еще верила в невозможное, пытаясь уйти от своей судьбы.

Глава II. Конец детства

За девятнадцать лет и четыре месяца до гибели...

Грохот ворвался в сновидения, но сон не хотел уходить. Наверное, началась гроза, а в постели было тепло и уютно, одеяло надежно отгораживало от всех забот. Сквозь дрему промелькнули мысли о школе, невыученных уроках, Иде, потом сладкая истома вновь охватила тело, Игор повернулся на другой бок, накрыл голову одеялом и снова заснул. Ненадолго. Усилившийся за окном шум окончательно разбудил его. На улице происходило что-то нехорошее. Рывком выбравшись из теплой постели, Игор подскочил к окну. Двор был заполнен соседями и вооруженными полицейскими в черных масках. Наскоро одевшись, мальчик сбежал по лестнице. Похоже, в доме кроме него никого не было, все собрались во дворе. Беда пришла, беда подкралась совсем близко, но миновала их семью, накрыв своим крылом кого-то из друзей.

Мать и отец стояли у порога, плечом к плечу с соседями, а от дома напротив жителей квартала оттесняло полицейское оцепление.

– Иди домой, Игор.

– Нет, мам, я буду со всеми, – откликнулся он, протискиваясь поближе к безликим демонам.

Дверь соседнего дома была выбита, рядом стояло три фургона с символикой гестапо и толпились полицейские. Мальчик прекрасно понимал, что происходило, но прежде видел аресты только по телевизору и представить себе не мог, что однажды станет свидетелем жуткой сцены. Вокруг жили обычные люди, не совершавшие никаких преступлений. Так почему же гестаповцы пришли за ними? В чем состояла их вина? В памяти промелькнули воспоминания раннего детства – юная беглянка, скрывавшаяся в лесу от безжалостных преследователей. За ней охотились с вертолетов, ее преследовали десятки вооруженных до зубов полицейских, прочесывая лесные дебри в поисках «опасной террористки». А она, встретив заблудившегося мальчонку, рискнула жизнью, лишь бы отвести его домой. Жаль, Игор был слишком мал тогда, чтобы запомнить ее лицо. И вот теперь пришли за кем-то из его знакомых. В доме напротив проживало несколько семей, среди них – три парня, несколькими годами старше Игоря, две девушки-близняшки, несколько малолеток, учившихся в начальной школе. Кого из них выбрали своей жертвой гестаповцы? Игор перебирал в памяти знакомые лица, и все остальные толпившиеся на улице люди думали о том же, что и он.

Незаметно рассвело. Наступило промозглое осеннее утро, у Игоря зуб на зуб от холода не попадал, но он вместе со всеми стоял во дворе, ожидая, когда закончится обыск. Начал накрапывать дождь, но никто не сдвинулся с места, не сходил за зонтом. Люди застыли неподвижно, уставившись в провал выбитой двери, за которым были видны кишевшие в доме оккупанты.

Движение усилилось. Из подъезда начали выходить полицейские с картонными коробками, толпа встрепенулась, а потом на пороге появились два громилы в масках, волочившие под руки закованного в наручники парнишку. На его голову была наброшена куртка, но Игор сразу же узнал в нем Яна – младшего сына хозяина рыбной лавки, всего два года назад окончившего школу. Сейчас он работал в порту, а все свободное время не расставался с гитарой, сочиняя немного грустные, но очень душевные песни. Правда, последние пару недель Яну было не до музыки – он ходил в гипсе, сломав руку.

Люди во дворе вздрогнули, как по команде. Кто-то из юнцов крикнул «Да здравствует свобода! Держись, Ян!», его поддержало еще несколько голосов, но выкрики звучали робко и очень скоро затихли, словно растворившись в мрачной, напряженной тишине. Яна повели к стоявшей поодаль легковой машине. По дороге он споткнулся, один из полицейских грубо толкнул его, толчок отдался болью в сломанной руке, парень вскрикнул. Мать, стоявшая у входа в разгромленный дом и провожавшая сына взглядом, не стерпела, ринулась вперед, –

полицейский из оцепления оттолкнул ее, тут не выдержали нервы у отца Яна, он бросился на помощь жене, его швырнули на землю и начали пинать ногами. Находившийся неподалеку Игор увидел, как нога в армейском сапоге наступила на лицо лежавшего в грязи пожилого мужчины.

Возмущение нарастало. Понимая, что скоро не смогут контролировать ситуацию, полицейские первыми атаковали безоружных людей, нанося удары дубинками и укладывая всех, кто находился поблизости, лицом в раскисшую землю.

Горячая волна ярости ударила в голову, Игор рванулся навстречу черным уродам. Удар в грудь отбросил его на несколько метров, но мальчик не почувствовал боли, мгновенно, как кошка вскочил на ноги и снова попытался броситься в бой, но чьи-то сильные руки удержали его.

– Мал еще, – произнес сосед, – это не твоё время.

Несколько мгновений над головами взлетали дубинки, и вскоре все свидетели трагедии оказались лежащими на мокрой земле. Яна тем временем затолкали на заднее сидение машины, и черная свора начала поспешно рассаживаться по легковушкам и клейменным свастиками фургонам.

Дождь усиливался – серое, беспросветное небо, тяжелые капли, падавшие на раскисшую землю, и блестящий асфальт дороги... Игор долго смотрел вдаль, туда, где за нахлывшимися домами скрылись полицейские машины. Его трясло от холода и нервного напряжения, а на губах чувствовался привкус крови.

Завтрак проходил в молчании. Родители держались так, будто ничего не случилось и не существовало в мире силы, способной выбить их жизнь из привычной колеи. Они пытались отгородиться от беды, не думать о том, что происходило в семье, из лона которой этим недобрым утром вырвали ребенка, уведя его на муки.

Еда не лезла в горло, да Игор и не пытался есть, смотрел на лежавшую в тарелке яичницу, невольно прислушиваясь к позвякиванию вилок. Он думал о Яне. О том, что соседи не попытались защитить его и оказались бессильными перед оккупантами. Вот если бы на помощь пришли бойцы Сопротивления, они бы отбили Яна, помогли бежать. Но чуда не произошло. Сопротивление было где-то далеко, а здесь гестаповцы валили людей на землю и топтали их ногами. Ощущение бессилия пугало. Игор любил страшные сказки, где на долю героев выпадали жестокие испытания, но в конце храбрецы всегда побеждали самых грозных монстров. А жизнь оказалась не такой. Люди не могли ничего изменить. Бессилие и страх. Страх и бессилие. Согнутая маленькая фигурка Яна, широкие спины тащивших его к машине полицейских...

– Игор, ты будешь есть?

– Нет, мам. Спасибо, не хочется.

– Тогда поторопись. Иначе в школу опоздаешь, – голос матери звучал спокойно и буднично, будто еще полчаса назад она не стояла под дождем вместе с остальными, провожая обреченного на муки парнишку.

– Я никуда не пойду.

Игор встал из-за стола, направился в свою комнату. Отец хотел что-то сказать, но мать остановила его.

– Не надо, я сама, – и заторопилась вслед за Игором.

Мальчик лежал на кровати, глядя в потолок и не двигаясь.

Мать подошла, села рядом, взяла его за руку.

– Надо терпеть, Игор. Надо ходить в школу, учиться, работать. Такое происходит только с теми, кто пытается жить по-другому, не так, как положено.

– Ян ни в чем не виноват!

– Надо ходить в школу, надо учиться, надо работать, – как заклинание повторяла женщина. – Надо жить так, как будто ничего не происходит, тогда ничего и не произойдет. Мы не можем ничего изменить. Мы бессильны, поэтому должны смириться. Ты думаешь, мне не жалко Яна и его родителей? Но ничего нельзя изменить. Ни-че-го. Я обязана думать о своих детях. Каждый должен думать о своих... В общем, собирайся, Игор. Иначе точно опоздаешь.

Он не стал спорить. Молча поднялся с кровати, оделся, вышел из дома. Но его путь лежал не в опостылевшую школу, а к берегу океана. Игору были противны грозные тирады лжецов-учителей и болтовня одноклассников. Он хотел остаться наедине с собой, смотреть на пенные, разбивающиеся о скалы волны и ни о чем не думать. Не думать, потому что думать было слишком больно.

– Игор! – Повзрослевшая и похорошевшая Ида торопливо подошла к обрыву. – Привет. А я догадалась, где тебя искать.

– Привет, – Игор улыбнулся, он всегда улыбался, встречая Иду, и даже теперь, когда на душе скребли кошки и весь свет был не мил, не мог противиться наполнившей душу радости.

– Между прочим, тебя из школы хотят исключить за прогулы, – сообщила Ида, сев на уступ скалы рядом с одноклассником. – Сегодня как раз обсуждали твое поведение. Ты зачет пропустил, – это уже предпоследняя капля.

– Плевать.

– Правда исключат.

– Сегодня Яна арестовали. Я видел, как его увели.

Оба замолчали. Внизу с грозным рокотом разбивались о камни высокие волны, а на горизонте серая гладь воды сливалась с серым насупившимся небом. Мальчик и девочка смотрели в бесконечность.

– Представь, что где-то там, за горизонтом, есть земля, – прервал молчание Игор. – Огромный прекрасный остров, там все, как у нас, только нет этих, в бронжилетах. Там никого не пытаются, не убивают. Там нет тюрем. Там просто живут, и все счастливы.

– Но это невозможно. На других континентах власть захватили масоны, которые еще хуже, чем коммунисты. Там очень плохо и опасно. Так в школе учат. А неоткрытых островов нет, их бы со спутника обязательно увидели.

– Я знаю, Ида, но ты переставь. Вдруг какая-то аномалия, магнитная, например, не позволяет увидеть эту землю? А она существует! Где-то непременно есть этот остров, там все живут счастливо, и надо только найти к нему дорогу. Плыть и плыть вперед, ничего не бояться, и однажды он появится на горизонте. Зеленый, цветущий, прекрасный. Свободный. Там никого не убивают, там плачут только от счастья. Но знаешь, Ида, – Игор задумался, – знаешь, я вдруг понял, что если бы оказался на этом острове, сразу захотел бы вернуться домой. Мой дом здесь.

Занятые беседой Игор и Ида не заметили подошедшего к ним человека. Немолодой, прихрамывающий на левую ногу полноватый мужчина остановился неподалеку, прислушиваясь к разговору подростков.

– И почему нельзя, чтобы всем было хорошо? – произнес Игор, наблюдая за тем, как летит брошенный им с обрыва камушек. – Просто хорошо, без всяких проблем. Посмотри, как чайки кружат, они свободные...

– Вот вы где, молодые люди! – раздался за спиной голос, от которого мальчик вздрогнул, а его плечи напряглись в ожидании удара. – Рад тебя видеть, Игор! Давненько мы не встречались. Я сегодня ждал тебя на своем уроке.

Игор резко поднялся. Он испугался, увидев школьного учителя, и моментально представил все те беды, что могли обрушиться на него по воле этого господина. В школах, где учились дети «недочеловеков», царили средневековые нравы. Учителя жестоко избивали даже маленьких детей, придумывая для учеников изощренные наказания, до бесконечности твердили о

превосходстве высшей расы и смирении тех, кто не принадлежал к ней. Школа представлялась Игору подобием тюрьмы, с пытками, унижениями и издевательствами, но, пожалуй, была еще хуже, потому что в школе стремились заполучить не только тело, но и душу жертвы, вдалбливая в детские головы всякие глупости и превращая учеников в послушных баранов. Игор боялся и ненавидел школу. А вот теперь рядом с ним стоял один из его мучителей и говорил тихим, вкрадчивым голосом. Что он задумал? Надо признать, преподаватель истории был мягче других педагогов, не издевался над учениками и не позволял себе рукоприкладства, но и в нем Игор видел коварного, опасного врага. Лучше бы господин Уилсон наградил прогульщика увесистой оплеухой, тогда, во всяком случае, все стало бы понятно, а сладкие речи напоминали искусно расставленную ловушку. Но почти сразу страх перед учителем прошел, его сменили злость и отчаянье. В конце концов школьные проблемы Игор ничего не значили в сравнении с тем, что происходило сейчас с Яном.

– Мне плевать на школу, господин учитель. Можете меня хоть сегодня выгнать. Здесь все нечестно и несправедливо. Ненавижу! Все ненавижу! Делайте со мной, что хотите.

Уилсон спокойно выслушал гневную речь ученика. А когда заговорил, голос его звучал на удивление миролюбиво.

– Прошу прощения, молодые люди, но я случайно услышал часть вашего разговора. Знаешь, Игор, давно хотел побеседовать с тобой в неформальной обстановке. Пойдемте ко мне на чашку чая. Прямо сейчас. Вы оба. Ведь вы не слишком заняты?

Трудно сказать, что именно ответил бы ошеломленный неожиданным предложением Игор, но инициативу взяла на себя Ида, попытавшаяся помочь другу выпутаться из трудной ситуации.

– Конечно, господин учитель. Мы очень рады. Для нас это огромная честь, – откликнулась она.

– Вот и отлично. Тогда отправимся, не мешкая. Шторм приближается, а в плохую погоду у меня начинают ломить кости. Пойдемте же к домашнему очагу!

Пожав плечами, Игор поплелся за Идой и Уилсоном, не понимая, зачем, ведь кроме скучных, как зубная боль, нотаций, он не мог услышать ничего, достойного внимания.

Глава III. Легенда о Минотавре

В тот же день...

Учитель Уилсон жил неподалеку. Старый, сложенный из вековых камней дом стоял на вершине холма, откуда открывался вид и на поселок, и на бескрайние океанские дали. Учитель был одинок, но Игору никогда не интересовало, как сложилась его судьба. Они встречались только в школе, и мальчик не хотел ничего больше знать о своем враге.

Дом наполняли сумрак и холод. Пригласив Иду с Игором в гостиную, Уилсон затопил камин, а потом ушел на кухню. Гости остались одни. Игору настороженно озирался по сторонам, ежась под взглядами незнакомых людей, запечатленных на множестве развешанных повсюду фотографий. Книжки и фото, фото и книжки... Одну стену гостиной занимал громадный стеллаж, битком набитый толстыми томами, заглавия которых были написаны на незнакомом языке. А внимание Иды привлекла фарфоровая кукла с покрытым трещинами лицом, словно человек, удобно расположившаяся в уголке дивана.

– Игор, смотри... Наверное, она принадлежала дочери господина учителя, – прошептала Ида. – Хотя, вроде бы, у него нет детей. А может быть, девочка умерла, и... Страшная кукла, трещины, как черные шрамы...

Ида шепотом рассуждала о таинственной кукле, но Игор думал о своем, пытаясь понять, что за человек господин Уилсон. Вскоре в гостиную вернулся учитель с подносом в руках, на котором лежали какие-то сладости.

– Рассаживайтесь за столом, молодые люди. Чувствуйте себя, как дома.

Учитель всеми своими действиями демонстрировал благожелательный настрой, но Игору не мог отделаться от ощущения, что попал на вражескую территорию, где его поджидают неведомые опасности. Мальчик был любознателен и открыт для мира, однако все, связанное с учебой в школе, вызывало у него резкое отторжение. Судя по тону господина Уилсона, учитель собирался поговорить с непутевым учеником «по-хорошему», вразумляя и направляя на путь истинный. Игор понимал это и, сидя в напряженной позе, с неприязнью ждал начала «душе-спасительной беседы», так и не притронувшись к лежавшим на столе бисквитам и налитому в изящную фарфоровую чашку чаю. Иное дело Ида, – с учебой у нее было все более-менее в порядке, и она беззаботно болтала с учителем, легко освоившись в уютной обстановке его дома.

– Знаешь, Игор, из тебя получился неважный ученик, но я всегда знал – ты способный парень. Проблема в другом: ты не хочешь принять то, что дано, и этим усложняешь себе жизнь.

Игор хотел сказать, что ненавидит мир, в котором можно арестовывать таких, как Ян, что ему хочется кричать от душевной муки и крушить все на своем пути, но промолчал. Не из осторожности, просто учитель все равно бы не понял его, ведь он сам был частью этого чуждого, злого мира. А Уилсон бросил в чай еще один кусочек сахара и неожиданно для слушавших его подростков так закончил свою мысль:

– Да, Игор, ты сам усложняешь себе жизнь, но в этом не твоя, а наша вина, ведь в школе мы вынуждены вдалбливать ложь в головы учеников. Отсюда – отторжение. Юные сердца не могут принять обман. Скажите-ка, молодые люди, что вы знаете об истории современной Евразии и арийской расе?

– Арийской расе?! – гости переглянулись, а затем, заподозрившая неладное Ида торопливо заговорила, повторяя, как на уроке, привычные, хорошо заученные фразы. – Арийцы – высшая раса людей, спасающая человечество. Другие, низшие, народы из-за своей неполноценности сами портили себе жизнь, поэтому арийцам пришлось прийти им на помощь. Великий Гитлер спас мир, принес свободу, спокойствие и счастье. Правда, расчищая жизненное пространство для арийцев, некоторые народы-паразиты пришлось уничтожить, они, как язва, разъедали здоровый организм. Но это было сделано ради всеобщего блага. Теперь все счастливы, и мы,

неарийцы, унтерменши¹, должны быть благодарны за все великой Германии, любить и чтить высшую расу, без которой мы бы не достигли того благополучия и процветания, что имеем сейчас. Вот... Так в учебнике написано...

Глаза Игоря сверкнули, – слушать нацистский бред из уст осторожничающей Иды было невыносимо.

– Арийцы, это те, кто уничтожают и унижают нас, твердя о том, будто мы неполноценные люди, генетически предрасположенные к какому-то злу, которое никто в глаза не видел. Так они заботятся о нас. Арийская раса – это раса убийц.

Ида похолодела. В душе она соглашалась с Игором, но исключение из школы стало бы меньшим из наказаний, которое грозило за такие речи. А Игор говорил это в глаза учителю – человеку, каждый день вбивающему в их головы идеи о превосходстве арийцев! Это была катастрофа. Но Уилсон даже бровью не повел, словно с самого начала ожидал услышать подобный ответ.

– Очень удобный тезис: чудовищная коммунистическая угроза вынуждает принимать экстраординарные меры, ограничивая фундаментальные права и свободы граждан ради их собственной безопасности. Поскольку генетически неарийцы более подвержены влиянию деструктивных сил, государство обязано держать их под жестким контролем и принимать все меры воздействия, вплоть до физического уничтожения, оберегая спокойствие и благополучие чистокровного населения, да и большинства самих безмозглых недочеловеков. Звучит по-своему логично...

– Это нечестно!

– Игор, ты достаточно взрослый человек и должен понимать, что честность к политике никакого отношения не имеет. Миром правит не справедливость, а сила. Когда-то мы проиграли и с той поры превратились в узаконенный объект для охоты. А для того, чтобы иметь моральное право на убийство, и был придуман миф о превосходстве арийской расы над другими.

– Вот поэтому я и ненавижу арийцев!

– Да, но при этом руководствуешься тем же расовым подходом, что и нынешний режим. Ариец плох только потому, что он ариец. Ты рассуждаешь, как нацист.

– Но... – Игор окончательно растерялся, не зная, как ответить учителю, который то ли смеялся над ним, то ли заманивал в ловушку.

– У зла много имен, Игор, одно из них «фашизм». Но, поверь, происходящее ныне случилось и раньше. Меняется форма, суть остается неизменной. Столетие уходит за столетием, на смену одному тысячелетию приходит другое, а люди продолжают творить зло. И вся история человечества – это история убийств невинных и торжества лицемерия. Никто не любит вспоминать прошлое, ведь оно как зеркало отражает сегодняшний день. Страшно смотреть в зеркало, если знаешь, что увидишь там монстра. Но я профессиональный историк, и, возможно, этот урок станет самым важным в моей жизни. Да и вам, молодые люди, он пойдет на пользу. Кто знает, вдруг вы все же поймете, что нельзя противостоять неизбежному? Это все равно, что бросить вызов законам природы. Можно сколько угодно на словах отрицать закон всемирного тяготения, но если взбунтоваться против него и прыгнуть со скалы, смерть неминуема. Законы развития общества, законы, по которым живет человек, то, что заложено у него внутри, также невозможно изменить. Вы полны иллюзий, готовы броситься в бой, а я хочу рассказать правду, чтобы вы осознали суть происходящего, поняли, приняли и смирились. Ведь никто не

¹ Недочеловек (нем. Untermensch – Унтерменш) – расистско-евгенический термин из идеологии национал-социалистов. Нацистская пропаганда использовала его, чтобы описать «низших людей» – евреев, цыган, славян и так называемых «Mischlinge» (полукровок).

приходит в отчаянье от того, что не может дышать под водой, как рыба. Он или остается на берегу, или берет акваланг.

Уилсон замолчал, потом поднялся из-за стола, предложил еще чаю, но Игорь с Идой отказались, им было не до того. Никогда прежде никто не разговаривал с ними так серьезно, повзрослому, как этот человек, которого они привыкли считать своим врагом.

– История человечества написана кровью невинно убиенных, причем, написана их убийцами, и если бы я вознамерился даже вкратце рассказать вам обо всех ее позорных вехах, на это ушла бы бездна времени. Поэтому я остановлюсь только на самых явных, вопиющих примерах. Они поражают не только масштабами убийств, но и лицемерием, – когда черное называют белым, а зло – добром. Не хочу загружать ваши юные головы датами и хронологией, скажу лишь, что в истории Европы был период, когда на протяжении почти четырех веков мужчины сжигали женщин на кострах, прежде подвергая страшным пыткам, которые нам, современным людям, даже трудно представить. Знаете, почему?

Слушатели не ответили. Это было выше их понимания. А Уилсон не мог оставаться на месте, начал прохаживаться по комнате, словно и в самом деле находился в аудитории, читая лекцию. Как часто на уроках ему хотелось, не кривя душой, рассказать ученикам правду, но искренность стала бы для него равносильна самоубийству. Он лгал, как все, и дети ненавидели его. И вот звездный час настал, сидевшие за столом мальчик и девочка с удивленными лицами и чистыми, не замутненными злом душами должны были услышать из его уст то, что в дальнейшем помогло бы им избежать роковых ошибок.

– Закон Божий вы, молодые люди, должны хорошо знать, если, конечно, не пропускали занятий, но история христианской церкви вам, скорее всего, не известна. Этому в школе не учат. Неудивительно. Если знаешь правду, трудно сохранить слепую веру. Не буду мучить вас теософскими рассуждениями, только коротко напомним о том, что необходимо знать для понимания случившейся трагедии, точнее – преступления... Итак, главной фигурой в христианстве после бога, конечно, является дьявол – воплощение зла, который занимается тем, что портит все благие начинания, отнимая у доброго боженьки людские души и утягивая их в ад. Дьявол творит на Земле мерзости и бесчинства. Дьявол вездесущ и легко завладевает сердцами людей. А женщины, по определению отцов церкви, в силу своей природы, более склонны к связям с дьяволом, нежели мужчины. Это утверждение и послужило началом так называемой охоты на ведьм, по сути – геноциду по половому признаку, когда любая женщина уже считалась подозреваемой в преступлении в силу своего физиологического строения. Ведьм искали и находили повсюду, под пытками они сознавались в интимных связях с дьяволом, участии в шабашах и тому подобном. Эти показания, в свою очередь, нагнетали общий психоз, увеличивая в разы количество жертв.

Вы молоды и невинны, вам в голову не может придти, до каких извращений порой доводит половое воздержание, а служители церкви, дав обет безбрачия, были крайне подвержены этой напасти. Прикрываясь благими словами, они удовлетворяли свои низменные инстинкты противоестественным способом. Но страшно даже не это. Маньяк, терзавший свою жертву, попав под суд, получает достойное наказание, а эти люди сами олицетворяли собой закон, являясь уважаемыми членами общества. Священник, человек, проповедующий милосердие и смирение, благословляет орудия пыток перед допросом! Это не абсурд, а реальность. «Дьявол вездесущ, а значит, все средства борьбы хороши против него» – таким был главный тезис «благочестивых» убийц. Выдумать врага, обвинить его в страшных преступлениях, а потом с особой жестокостью уничтожить «злодея», запугивая людей, – таков путь к абсолютной власти, причем, путь, доставляющий удовольствие. Даже если не удавалось найти ни одного более-менее убедительного «доказательства» связи с дьяволом, отсутствие улик не останавливало палачей в рясах. Пусть преступления не было, но ведь теоретически предрасположенный к нему субъект мог, если не совершить, то хотя бы задумать его. Один инквизитор в трактате

о пользе своей работы писал: «Нельзя не указать, какую великую услугу инквизиция оказала человечеству тем, что она уничтожила огромное количество ведьм. В течение ста пятидесяти лет были в Испании, Италии, Германии сожжены по меньшей мере тридцать тысяч ведьм. Подумайте лишь! Если бы эти ведьмы не были истреблены, какое невероятное зло они причинили бы всему миру!» Другой судья вторил ему, рассуждая о «ведьмах», летавших во сне: «Даже если это иллюзия, они, тем не менее, заслуживают смерти, – ибо у них, по крайней мере, есть предрасположенность к подобным деяниям». Точной статистики жертв инквизиции нет, цифры колеблются от десятков тысяч до миллионов. Известно, например, что в Германии, в некоторых регионах практически не осталось женщин – мужчины истребили своих матерей, жен, дочерей... Уничтожали, лицемерно утверждая, что творили свои страшные дела во благо несчастных, пытками и кострами спасая душу «ведьмы» и избавляя ее от связи с дьяволом. Кстати, замечу, если вначале судебные процессы над «ведьмами» находились в ведении церкви, то со временем ими занялись светские власти. Сохранились документальные свидетельства того, как обличенный властью отец отправлял на костер свою дочь, а муж – не угодившую ему жену.

– Арийцы, – процедил сквозь зубы Игор. – По делам видно.

– Почему люди такие плохие? – почти шепотом спросила Ида, а ее глаза уже давно наполнились слезами.

– Люди разные, Ида. Я мог бы рассказать о мужестве, великодушии, прекрасных поступках отдельных людей, которые совершались во все века, но сейчас я говорю о темной стороне души, о том самом дьяволе, который, как и бог, живет в душе у каждого. О тех, кто добровольно принял сторону зла. Инквизиция постепенно сошла на нет, но свято место пусто не бывает. На смену одному злу явилось другое – рабство. Тут уж старушка Европа оказалась ни при чем. Чудовищные преступления совершались на американском континенте. На сей раз в роли бесправных жертв оказались люди, имеющие черный цвет кожи. У рабов нет прав. Раба можно купить, продать, пытать, издеваться, убить, делать все, что угодно. Негр – не человек, он даже хуже рабочей скотины, – так считали в гордящихся ныне своими демократическими традициями Соединенных Штатах Америки. Добропорядочные богобоязненные плантаторы, любящие отцы семейства и заботливые матери, трясущиеся над своими чадами, творили зверства, достойные палачей инквизиции, не чувствуя угрызений совести. Кошмар рабства длился более двух веков. Северяне перевернули позорную страницу истории своей страны, однако, и поныне люди с черным цветом кожи остаются в США людьми второго сорта. Между прочим, должен заметить, что слишком хорошо знакомый нам термин «недочеловек» появился именно в США², и это многое говорит о менталитете местных «сверхчеловеков». Но вернемся к обсуждаемому вопросу Итак, охота на ведьм прекратилась, рабство запретили, и вы думаете, что с той поры люди стали жить счастливо, а злодеяния остались в тени далекого прошлого? Ошибаетесь...

Мальчик и девочка молчали. История, как и все школьные предметы, казалась им скучной и далекой от жизни, но сейчас они словно заглянули в бездну ада, и тень страданий коснулась юных сердец. Было больно и страшно, а учитель продолжал рассказывать:

– Вскоре дьявол вернулся в новом обличий – теперь он назывался фашизмом. Если раньше боролись с исчадьями ада во имя торжества церкви, то теперь оказались виноваты целые народы, по надуманным признакам якобы отличавшиеся от других. Все чаще звучали зловещие высказывания, подобные тому, что я позволю себе процитировать: «Недочеловек – это биологически на первый взгляд полностью идентичное человеку создание природы с руками, ногами, своего рода мозгами, глазами и ртом. Но это совсем иное, ужасное создание.

² «The Under-man» – термин, введенный американским расистом Лотропом Стоддардом в его книге «The Revolt Against Civilization: The Menace of the Under-Man» («Бунт против цивилизации: угроза подчеловека», 1922).

Это лишь подобие человека, с человекоподобными чертами лица, находящееся в духовном отношении гораздо ниже, чем зверь. В душе этих людей царит жестокий хаос диких, необузданных страстей, неограниченное стремление к разрушению, примитивная зависть, самая неприкрытая подлость. Одним словом, недочеловек. Итак, не все то, что имеет человеческий облик, равно. Горе тому, кто забывает об этом. Помните об этом³».

Увы, подобные бредовые рассуждения находили отклик в людских сердцах. Все сильнее сгущались тучи над не готовой к такому повороту событий Европой. Третий рейх окреп, и тогда началось истребление людей по национальному признаку. Об участи евреев вы, конечно, слышали, – в период Второй мировой войны было уничтожено шесть миллионов человек, а в последующие несколько послевоенных десятилетий – все уцелевшие. Считается, что сейчас, как нации, евреев в Евразии не существует, но я не верю в это. Народ невозможно истребить полностью. Память сердца и зов крови всегда побеждают. Но я отвлекся. Кроме евреев были и другие народы, попавшие в число неугодных и также подвергшиеся гонениям и истреблению. Запредельная жестокость геноцида, как всегда, оправдывалась благими целями – благодеянием одной нации за счет истребления другой, неполноценной, якобы являющейся источником всех бед и несчастий. Замечу, что список неугодных народов корректировался гитлеровцами в зависимости от политической обстановки. Подход оказался достаточно гибким, ведь с самого начала было заявлено, что германский народ не образует своей расы, а состоит из представителей взаимосовместимых по крови рас. Наиболее абсурдно выглядела ситуация, сложившаяся вокруг цыган. С одной стороны, их признали недочеловеками, но в то же время не могли отрицать их принадлежности к арийской расе. Поэтому их, в свою очередь, пытались разделить на группы по этническому признаку. Вообще, молодые люди, должен сказать, что нацистская идеология полна противоречий и как минимум не блещет логикой. Однако это не мешало и не мешает гитлеровцам убивать...

Небо за окном потемнело, подернулось облаками. Сумерки окутали гостиную и, несмотря на то, что до заката оставалась пара часов, Уилсон включил свет, словно хотел рассеять царивший в душах мрак.

– Вам интересно то, о чем я говорю? Или тема слишком сложна для восприятия?

– Пожалуйста, продолжайте, господин учитель! – голос Игора звучал взволнованно, он уже не считал Уилсона своим врагом, а, напротив, безгранично доверял каждому его слову.

– После войны, в конце 40-х – начале 50-х годов тайной полицией была проведена колоссальная работа по проверке родословных практически всех граждан оккупированной Европы. Те, у кого в роду в четырех поколениях имелись представители неугодных нацистам народов, психически больные, те, кто имел нетрадиционную сексуальную ориентацию или придерживался коммунистических взглядов, получили в наследство от истребленных евреев, желтые звезды на одежду. Население регионов, где сопротивление оккупантам не ослабевало, также было признано расово неполноценным, попав в категорию недочеловеков, как, например, случилось на нашей земле.

– Господин учитель, все, что вы рассказали – ужасно, но ведь если бы в войне победили коммунисты, было бы еще хуже. Дикае орды азиатов заполонили бы Европу, убивая всех подряд. Славяне – опасные, кровожадные дикари. Наверное, они еще хуже арийцев...

Взгляд Игора мог бы испепелить камень, но поглощенная раздумьями Ида не заметила его. Уилсон только вздохнул:

– Видишь ли, Ида, все, что вам говорят в школе, все, что я рассказываю на занятиях, – циничная ложь, не имеющая ничего общего с реальными историческими фактами. Я не разделяю коммунистическую идеологию, однако с уверенностью могу сказать – только идиоты могут сравнивать СССР с фашистской Германией, пытаясь поставить знак равенства между этими

³ Брошюра «Der Untermensch», 1942 год.

силами, а тем более утверждать, будто Сталин был хуже Гитлера. Сталин мог бы избавить мир от коричневой чумы, но чудовищная случайность или злой рок перечеркнули надежды миллионов на спасение. Ход войны изменился в последний момент. Победа русских была близка, но атомная бомба, сброшенная гитлеровцами на Москву в конце апреля 1945 года, решила все, – Гитлер победил во Второй мировой войне. Не буду углубляться в дебри геополитики, скажу лишь, что расстановка сил в мире стала такой – Европейский континент и Африка оказались во власти Германии, Китай и Юго-Восточную Азию захватила Япония, а Соединенным Штатам досталось все остальное. Гитлер так и не решился напасть на Америку, поскольку почти сразу после окончания войны американцам удалось создать атомную бомбу и восстановить паритет. Так начался период холодной войны. Германия и США обвиняли друг друга во всех смертных грехах, продолжая наращивать военную мощь. В это же время Германии удалось подчинить бывших союзников – Испанию и Италию, постепенно сконцентрировав всю власть в своих руках. Было сформировано единое языковое и экономическое пространство, а проще говоря – навязана единая общеевропейская валюта и введен запрет на использование в государственных учреждениях других, кроме немецкого, языков.

Учитель умолк, подошел к окну, и после небольшой паузы заговорил вновь:

– Вот так сложилась история. Иногда я начинаю думать, как бы мы жили, если бы победил Советский Союз. Сколько бы людей уцелело... Впрочем, хватит праздных рассуждений! СССР нет, но, якобы сохранилась коммунистическая угроза, и теперь коммунисты, они же красные террористы, они же приспешники дьявола, играют роль, которую прежде исполняли «ведьмы», негры или евреи. Сопrotивление действительно существует, однако, его масштабы преувеличены в разы. Власти нужно создать образ врага, чтобы иметь возможность преследовать, пытаться и убивать неугодных людей, оправдывая репрессии борьбой с терроризмом. Раньше врагов рейха уничтожали, не заботясь о соблюдении формальностей, но сейчас не сороковые года XX века, и в моду вновь вошли такие понятия, как демократия и фундаментальные права человека.

Не так давно Евразия подписала соответствующую декларацию, обязующую не применять пытки, ввела мораторий на смертную казнь и даже пошла на такой шаг, как ограничение прав тайной полиции. Если раньше гестапо арестовывало без судебного постановления, то теперь – исключительно по решению суда. Есть только один нюанс – с момента задержания до встречи с судьей проходит несколько суток, в течение которых задержанный находится в полной изоляции, и по умолчанию в это время с ним могут делать все, что угодно.

Все изменения законодательства были сделаны из-за соперничества с США – державы спорят, кто из них демократичней, стараясь перещеголять друг друга на этом поприще. Естественно, на словах. Хамелеоны! Впрочем, ныне властям приходится быть более изощренными в поводе для репрессий. Кстати, из-за постоянной критики со стороны США разговоры о недочеловеках теперь предназначены для внутреннего употребления. Желтые звезды остались, однако это не мешает построению «демократического, свободного» общества в Евразии. Сейчас оккупационные власти предпочитают говорить о терроризме, ведь это «универсальная ценность» и для Германии, и для США. Если государству угрожает чудовищное зло коммунистического терроризма, приходится в чем-то ограничивать права граждан ради их же блага. А чтобы граждане не забывали о страшной угрозе, довлеющей над ними, власти часто идут на провокации, поддерживая созданный ими миф. На какие только жертвы не пойдешь ради всеобщего спокойствия! Вы видите, что происходит вокруг. Но попробуйте заявить об этом публично, выступить в защиту политзаключенных, вас схватят, обвинят в связях с бандподпольем и будут пытаться до тех пор, пока вы не признаетесь в отсутствии пыток.

– Но почему это происходит в мире? – впервые после долгого молчания задал вопрос Игорь. – Почему нет людей, способных противостоять злу? Почему во времена инквизиции не нашлось достойных сильных мужчин, которые защитили бы женщин? Почему люди позволяют

негодьям творить эти гадости, почему не объединяются, вступив в борьбу? Ведь хороших все равно больше, чем плохих, и потом – правда на их стороне. Почему они не побеждают?

– Эх, Игор... Справедливость не может противостоять силе. Даже если ты тысячу раз прав, тебя раздавят, как букашку, и никакой бог, никакая высшая сила не спасет тебя от расправы. Знаешь, есть такая легенда о Минотавре. Ее придумали очень давно в Древней Греции. Минотавр – это монстр, наполовину человек, наполовину бык. Он жил в подземном лабиринте, и каждый год ему в жертву приносили семь юношей и семь девушек. В отличие от реальных событий, послуживших ее основой, у этой легенды благополучный финал, как, впрочем, почти у всех легенд. Любовь оказалась сильнее смерти, и благодаря предусмотрительности любимой девушки герой сумел убить монстра и выбраться из лабиринта. Но в нашем случае важно не это, а понимание образа самого Минотавра, – он...

– Простите, господин учитель, а что было на самом деле? – не удержался от вопроса любопытный Игор.

– На самом деле жители славного острова Крит, где и происходили эти события, ежегодно забивали дубинками семь парней и семь девушек, приводя их к идолу, изображающему Минотавра. Никаких чудесных избавлений не было. И я заговорил о Минотавре потому, что он – символ безжалостной силы, уничтожающей невинных. В лабиринте Минотавра нет справедливости. Минотавру нужны жертвы – чистые, безгрешные. Таких обрекают на смерть именно потому, что их души безупречны, и так будет всегда, пока существует род людской. Минотавр – символ человеческого закона, правящего миром. Ничего нельзя изменить, нет никакой высшей справедливости, есть только черный зловонный лабиринт Минотавра, усеянный костями детей. И лучшее, что может сделать каждый, – выжить, суметь избежать смерти, не стать жертвой Минотавра. Нельзя играть с огнем и бросать вызов тому, кого не сможешь победить. И это уже не философские рассуждения, а конкретный совет тебе, Игор, и тебе, Ида. Иначе вас бросят на растерзание Минотавру, придут однажды на рассвете, как пришли за Яном. Смирись...

– Как можно смириться, когда Яна сейчас, в эти самые минуты, пытаются?! Кто ему поможет, кто его защитит?! Смириться... Но он же был вашим учеником, неужели вы забыли его, господин учитель? Как можно отсиживаться по углам, прятаться, отворачиваться, закрывать глаза? Мы все трусы, и у нас у всех нет совести, поэтому Яна сейчас пытаются! А у него и так рука сломана. И гестаповцы подвешат его за эту руку, потому что они всегда так делают, всегда бьют по больному месту. И все это знают. Все, кто стоял во дворе, когда его уводили.

– Я говорю с тобой именно потому, что Ян был моим учеником. Я не сумел уберечь его, не рассказал рассказанного тебе. Пойми, Игор, то, что молодежь называет борьбой, – на самом деле самоубийство. Никто не может противостоять Минотавру. Невинных всегда будут сжигать на костре. Справедливости нет, а борьба с властью бессмысленна. Власть всегда побеждает. А если хочешь бросить ей вызов – выживи вопреки всему. Женись, заведи детей, много детей, воспитай их так, чтобы они тоже сумели выжить, продолжили твой род на Земле. Жизнь – это победа над Минотавром. Живи за себя и за Яна, лови каждый миг счастья, наслаждайся дарованной тебе свободой!

– А Ян в это время будет кричать от боли или задыхаться в пластиковом пакете на голове?!

– Все... – учитель, до того возбужденно меривший шагами комнату, опустился на диван. – Ты действительно плохой ученик, Игор. Ты не понял сути урока. Но здесь я бессилён, каждый сам выбирает свой путь. А я постараюсь сделать все от меня зависящее, чтобы тебя не исключили. Надеюсь, ты тоже хотя бы немного постарайся. Если вылетишь из школы, тебя возьмут на заметку, начнут подозревать в связи с Сопротивлением. Не привлекай к себе внимания, старайся выглядеть, как все. Молчи, молчи... довольно. Я не люблю идущие по кругу разговоры. И еще... Надеюсь, вы оба понимаете, что не следует болтать посторонним о нашей

беседе. Промолчите, если сможете. И помните главное, может быть, это вам пригодится, – с Минотавром нельзя бороться – от него можно только спрятаться.

Двое медленно шли по дороге, не глядя друг на друга. Говорить не хотелось. Груз несправедливости и бессилия давил на детские плечи, и хотя перед глазами расстилались океанские просторы, для обоих мир сузился, выцвел, превратившись в поблекшее фото без перспективы, с нарисованным горизонтом.

– В голове не укладывается, – наконец произнесла Ида, так и не подняв глаз на своего спутника, – как можно убивать женщин только потому, что они женщины? Как можно истреблять целые нации только потому, что они чем-то отличаются от других?! Неужели на Земле никогда не было хорошо, и все эти ужасы начались с тех пор, как появились первые люди? Почему мир так несправедливо устроен? Почему хорошие страдают, а плохие наслаждаются жизнью? А может быть, Уилсон все просто преувеличил, желая нас припугнуть, ведь не может быть такой беспросветицы?! Правда, не может, Игор?

Он не ответил, молча вышагивая рядом. Нежное лицо мальчика было серьезно, искренняя улыбка, обычно озарявшая его чудесным светом, исчезла, а серьезность преобразила, сделав взрослее. Игору и Иде давно пора было возвращаться в поселок, но оба, не сговариваясь, сошли с дороги, повернув к океанскому берегу. Видеть других людей, разговаривать с ними о повседневных проблемах они не могли, – их души искали одиночества, а океан – бесконечный, вечный, всесильный, дарующий жизнь и несущий смерть, притягивал к себе и ждал.

Обрывистый берег, зеленые, покрытые легкой дымкой горы, подступающие к самой кромке воды, золотая полоска пляжа где-то далеко под ногами. Простор, от которого захватывало дух, а к горлу неожиданно подступали слезы. Бескрайний мир... свобода... вечность...

Двое застыли на краю обрыва, их взгляды были устремлены в дальнюю даль. Кричали чайки. Резкий ветер дул в лицо, безжалостно трепал волосы, а океан исподволь возвращал надежду. Игор смотрел вдаль, его глаза наполняли слезы, но не горе, не сильный ветер заставляли его плакать. Все внутри трепетало от странного, необъяснимого чувства, внезапно охватившего его. Душа взбунтовалась, отвергая несправедливость жестокого мира, и мальчику страстно захотелось жить, жить, вопреки всем бедам и несчастьям, жить, наслаждаясь каждым вздохом, каждым мгновением дарованных ему лет. Волшебная сила океана обратила скорбь в радость, сияющую радость бытия, заполнявшую весь мир... А рядом стояла Ида, такая прекрасная, нежная, светлая, и ветер играл ее вьющимися волосами.

– Посмотри вокруг, Ида, мир прекрасен, – взволнованно заговорил Игор, едва справившись с нахлынувшими чувствами. – Мир прекрасен, и невозможно, чтобы в нем торжествовало зло. Он слишком прекрасен для этого. Мы будем жить, вопреки всем бедам, будем смотреть на океан, бегать по песку у самой кромки воды и слушать, как шумят сосны. Мы будем любить. Знаешь, только сейчас я понял, как люблю здесь все, каждый клочок земли, каждую каплю дождя, каждое дерево, каждую травинку! Это не отнять и не уничтожить, это с нами – и в душе, и вокруг. Смерти нет. Мы будем жить, мы будем возрождаться снова, здесь никто не умирает, потому что мы слишком любим эту землю, и она так же сильно любит нас. Все плохое проходит, его сдувает соленый ветер. Я верю, счастье есть и мы будем счастливы. Мир прекрасен, прекрасна жизнь, и ты прекрасна, Ида, так прекрасна!

Порывистым движением Игор обнял девочку и неловко, впервые в жизни, поцеловал в губы. Для Иды это также был первый поцелуй, она смутилась, но почти сразу поняла, что хочет продлить волшебный миг, однако залившийся краской Игор уже разомкнул объятия. Он что-то сказал, но слишком тихо, – шум волн заглушил слова, а Ида так и не решилась переспросить его.

Глава IV. По склону...

За пятнадцать лет и девять месяцев до гибели...

Негромко работал телевизор. Шел какой-то фильм. Звуки музыки и речь лились непрерывным потоком, но двое, находившиеся в просторном, похожем на склад ненужных вещей гараже, не обращали на них внимания. Расположенное на первом этаже дома, в котором жила Ида, помещение обычно служило местом, где по вечерам собирались ее друзья, проводя досуг за игрой в карты и болтовней, но сегодня в нем происходило то, что должно было изменить всю жизнь. Бледная Ида в напряженной позе сидела на табуретке в углу гаража, а Игорь возился с расставленными на стареньком, покрытом клеенкой столе бутылками. Запах бензина раздражал ноздри, напрягая нервы до дрожи. Было страшно.

– Ты уверен, что все делаешь правильно?

– Что? – он на секунду отвлекся от своих манипуляций. – Да, рецепт проверенный. Срабатывает, как надо.

– Я не о том...

Отложив склянки, Игорь порывисто подошел к Иде, присел на корточки, снизу вверх посмотрел в ее лицо, взял за руку, – девичья ладошка была холодна как лед.

– Ида, милая, нам нельзя оставаться в стороне. Это нечестно. Каждый находит оправдание своему равнодушию, каждый выдумывает себе тысячу отговорок, каждый говорит, что это не его дело. Так нельзя. Если бы все, все до единого, поднялись на борьбу, мы бы победили. А так нас убивают и мучают поодиночке. Надо набраться смелости и сделать выбор. Нельзя ограничиваться лозунгами на заборах – это занятие для детей.

– За это тоже сажают. А ты с баллончиком не расстаешься...

– Да что с тобой сегодня, Ида?! Ты рассуждаешь, как моя бабушка! Как будто ты сама этим не занималась! Мы же вместе выбрали путь борьбы, Ида. Но если ты боишься, остановись, пока не поздно. А я все равно пойду до конца. Я ненавижу оккупантов. Но ненависть – это не слова, а дела, если ненавидишь, – иди в бой, борись.

У Игоря были темно-карие глаза, а сейчас, при слабом освещении, они и вовсе казались черными, такими черными, что не удавалось понять их выражение. Но он смотрел в лицо Иде, и девушка не могла оторвать взгляд. Его ладони тоже чуть дрожали и тоже были холодны как лед.

– Не переживай, все пройдет хорошо. Знаешь, сначала я хотел атаковать полицейский участок, напомнить убийцам, что борьба продолжается и им никогда не будет покоя на нашей земле. Но потом решил повременить – это слишком опасно для первого раза. У нас еще нет опыта. Зато следующую операцию мы подготовим более тщательно. Видишь, какой я осторожный и рассудительный? Правда, так хотелось врезать полицейским...

– Мне страшно, Игорь.

– Страшно только в начале. Это, словно с горы катиться на санках. Страх быстро проходит. Но если мы не вступим в борьбу, то будем ненавидеть себя всю жизнь. За трусость, за слабость, за то, что остались в стороне. Подожди. Я сейчас заканчиваю. Потом надо как следует прибраться, чтобы мама ничего не заметила.

Игорь вернулся к столу, а Ида уставилась в экран телевизора, рассеянно наблюдая, как ползут финальные титры фильма. В душе боролись противоречивые чувства. Когда она смотрела в глаза Игоря, когда их руки соприкасались и ладонь ощущала тепло ладони, то девушка чувствовала, что готова без страха скатиться с самой крутой горы. Именно ради Игоря она ввязалась в опасную игру, рискуя жизнью, лазила по опорам мостов и эстакадам, рисуя картинку, за которые вполне могла оказаться в тюрьме. Все ради того, чтобы они были вместе. По соседству жили крутые девчонки, которые не скрывали, а, возможно, и придумывали свою связь

с Сопротивлением, и Ида инстинктивно чувствовала в них опасных соперниц. Игор любил только ее, но его глаза сияли неподдельным интересом, когда он слушал горячие речи юных революционерок. Ида понимала, что должна стать такой, как они, научиться презирать опасность, смеяться над врагами и самой смертью. Поэтому она с азартом говорила о вооруженной борьбе и свободе. И вот теперь Игор решил от слов перейти к делу, пересечь черту, за которой они бы стали преступниками в глазах властей. Надписи на заборах рассматривались оккупантами как призывы к свержению власти, и по закону за них грозила достаточно суровая кара, однако, на практике подобные деяния чаще всего оказывались безнаказанными. Но то, что собирался сделать этим вечером Игор, попадало под статью «терроризм» и могло обернуться для них катастрофой. Ида боялась смерти, тюрьмы, пыток, но еще больше того, что Игор разочаруется в ней. Девушка не знала, как поступить, а время неумолимо приближалось к назначенному часу.

Фильм кончился. Промелькнула заставка новостей, появилась холеная, с неестественно гладкой кожей дикторша. Ида взяла дистанционный пульт, прибавила звук:

– Сегодня состоялось последнее заседание суда, завершившееся вынесением приговора банде террористов. Напомню, в ходе расследования деятельности так называемого «Клуба молодых литераторов» была выявлена связь его членов с коммунистическим бандподпольем. Анализ информации, содержащейся на компьютерах фигурантов дела, подтвердил опасность их преступных намерений. По данным следствия, банда собиралась совершить несколько ужасающих кровавых терактов, жертвами которых могли бы стать десятки, если не сотни мирных жителей, в том числе дети, старики и беременные женщины. Однако, несмотря на тяжесть запланированных преступлений, для террористов было назначено достаточно мягкое наказание, вызвавшее протест общественности, – главарей приговорили к пожизненному заключению, а остальные участники банды, в зависимости от тяжести их преступных намерений, получили от двадцати до сорока лет тюрьмы. В общей сложности в ходе процесса к различным срокам тюремного заключения приговорены сорок восемь человек.

Голос за кадром звучал безэмоционально, а на экране мелькали то огромное, подавляющее величием здание суда, то жалкие фигуры обвиняемых – большинство из которых были не намного старше Игоря, то беснующаяся толпа у здания, требовавшая более жесткого наказания для преступников. Потом в кадре возникла сытая физиономия кого-то из обвинителей:

– Страшно даже представить, что было бы, если бы эти люди осуществили задуманное, какое неимоверное зло они бы причинили всем нам! – заговорил он, обращаясь к толпившимся вокруг журналистам. – Какие страдания выпали бы на долю их жертв, какие муки они бы испытали... Невозможно представить ту боль и отчаянье, которые могли бы принести нашим гражданам эти преступники!

– Выключи это! – Игор сжал кулаки, с гневом и болью глядя на экран. – Помнишь, года три назад, в день, когда арестовали Яна, учитель Уилсон рассказывал нам об инквизиции? Новые палачи слово в слово повторяют лживые фразы церковников.

– Ты видел ребят, которых судят?

– Судят?! «Не нас судят, но мы сами обрекаем себя на муки», – так говорят и правильно говорят. Сколько людей прошло через фашистские застенки, сколько погибло... Память о них нельзя предавать. Мне стыдно перед ними. Лично мне стыдно. Я живу, радуюсь жизнью, а они... Ян по-прежнему в тюрьме. В одиночке. На прошлой неделе мать ездила навещать его. Он почти ослеп, и эпилепсия, которой он заболел после пыток, становится все сильнее. Ян страдает, и мне стыдно оставаться в стороне. Мне стыдно перед всеми ними. Нет, Ида, мы сами обрекаем себя на муки во имя справедливости, в память о тех, кто отдал свои жизни ради нас. Нас не запугать.

Время истекло. Все было готово, помещение прибрано, телевизор выключен, – пришла пора уходить. Осталось лишь переступить порог, а вместе с ним и тот рубеж, после которого

начиналась другая жизнь. Опасная, непредсказуемая, жестокая... Происходящее напоминало кинофильм – его герои совершали важные поступки, но все это происходило с кем-то другим.

– Ты пойдешь первая. Я через пять минут. Нас не должны видеть вместе. На всякий случай. Встретимся за углом цветочного магазина.

Крутой склон, сверкающий снег у ног... Если оттолкнуться, санки начнут скользить вниз, и ничто не сможет остановить их стремительное движение. Дух захватывает, сердце выпрыгивает из груди, и страх превращается в гибельный, пьянящий восторг, испытан который не жалко и умереть.

Двое замерли у порога, их лица слабо освещало старенькое, когда-то принесенное из дома бра с запыленными, давно переставшими блестеть хрустальными подвесками. Нервы были натянуты так, что казалось, вот-вот зазвенят.

– Мне тоже очень, очень страшно, Ида. Но мы покажем, на что способны, что не боимся их, что нам наплевать на смерть.

Их головы почти соприкоснулись. Игор кожей чувствовал дыхание девушки на своей щеке. Напряжение достигло предела, страх и страсть безраздельно завладели его существом, перевернув все внутри. Сам до конца не осознавая, что делает, Игор обхватил Иду за талию прижал к себе, начал целовать ее лицо и шею. Он чувствовал прикосновение упругой девичьей груди, и кровь бурлила в жилах, превращаясь в потоки расплавленной лавы. А потом губы нашли губы, слились в жадном, отчаянном поцелуе, от которого перехватывало дыхание и начинала кружиться голова. В этот момент юноша хотел только одного – забыться в объятиях любимой, ласкать гибкое тело, пьянея от каждого прикосновения, раствориться в вихре новых, неизведанных прежде чувств. Хотел, но не мог. Не имел права, ведь он выбрал путь борьбы, а бегство в любовь превращало его в безвольного труса. Сделав над собой огромное усилие, Игор мягко отстранил Иду и распахнул дверь.

– Надо идти.

– Да, надо. Встретимся за углом цветочного магазина, – безжизненным голосом повторила она, чувствуя, как счастье золотой рыбкой выскальзывает из рук.

– Все пройдет хорошо, – прошептал Игор, пытаясь пересилить липкий страх, вновь сковавший душу. – До скорой встречи. Будь осторожна.

Свет фонарей расплывался серебристыми пятнами на мокром асфальте. Моросил ленивый, похожий на туман дождик. Старые дома с темными окнами, возвышались словно скалы, охраняющие ущелья безлюдных переулков. Ни души вокруг. Улица дремала, и трудно было поверить, что всего в нескольких кварталах отсюда кипело неудержимое веселье. Набережная, площадь мэрии, примыкавшие к ним старинные улочки вмещали в себя великое множество изрядно выпивших, беззаботных людей, от души чествовавших святого, считавшегося покровителем их поселка.

А здесь, в респектабельных кварталах местных богачей, царил сонный покой. Но спокойствие было обманчиво. Бесстрастные глаза телекамер неусыпно контролировали пространство вокруг дорогих магазинов, банков, офисов и надменных особняков. Этот уголок чужого, ненавистного мира, как магнит, притягивал мальчишек и девчонок, грезивших о настоящей борьбе. Ни телекамеры, ни полицейские патрули не могли остановить отчаянно рискующих подростков, самозабвенно рисовавших на стенах алые пятиконечные звезды и лозунги, прославляющие замученных героев Сопротивления. Игор, давно успевший в совершенстве овладеть искусством опасного граффити, умел играть с огнем, удирая от патрулей и избегая взгляда мертвых, но всевидящих глаз телекамер, однако, сегодня в кармане его куртки лежал отнюдь не безобидный баллончик с краской...

Две одетые в черное фигурки с капюшонами на головах и лицами, прикрытыми шарфами, как по волшебству, возникли на ярко освещенном перекрестке и почти одновременно швырнули одну за другой бутылки с зажигательной смесью в зеркальные окна филиала столич-

ного банка. Первый бросок оказался неудачным – бутылка не долетела до цели, а другой дал желаемый результат, и, хотя бронированное стекло не разбилось, по нему потекли оранжевые потоки жидкого пламени.

Не теряя ни секунды, Игор и Ида юркнули в темноту ближайшей подворотни, удирая из богатых кварталов проверенным, хорошо знакомым маршрутом. Они мчались, не оглядываясь, не зная, есть ли за ними погоня, перелезая через увитые плющом заборы и петляя по темным, безлюдным переулкам. Казалось, началась какая-то увлекательная игра, азарт пересилил страх, а перед глазами, как наяву, плясали веселые языки пламени.

К дому Иды они подбежали со стороны обрывистого берега реки, никем не замеченные прошмыгнули в предусмотрительно оставленное открытым окошко гаража и только после этого смогли отдышаться. Теперь надо было переодеться, привести себя в порядок и как можно скорее идти в старые кварталы, где, несмотря на поздний час, продолжалось гулянье. Их могли случайно арестовать на пустынной улице, но не стали бы искать в толкотне баров, куда полиция вламывалась только во время заранее спланированных облав.

В помещении было прохладно, но юноша и девушка не чувствовали холода, – стремительное бегство разогрело тела, сделало дыхание глубоким и быстрым. Смешанный со страхом азарт, возбуждение, радость и тревога... Им следовало как можно быстрее избавиться от черных курток и свитеров, надеть что-то яркое и бежать в ближайший бар, поскорее оказаться на людях, влиться в веселую, захмелевшую толпу. А за дверью уже звучали полицейские сирены – по улицам начали курсировать патрульные машины...

Ида начала торопливо стягивать свитер, плотно облежавший ее стройную фигурку. Девушка не носила лифчика, и тонкая трикотажная майка, прилипшая к разогреченному телу, не скрывала, а наоборот, подчеркивала форму небольшой, красивой груди, выпуклых, напряженных сосков. Ида потянулась к заранее подготовленной, лежавшей в рюкзаке одежде, и ее пальцы случайно переплелись с пальцами Игоря. Оба вздрогнули, словно через их тела пробежала электрическая искра. Ощущения обострились, кровь стала горячее, наполняя каждую клеточку непонятной вибрацией, чувством, которому еще не придумали названия. Мир вокруг стремительно сужался, и вскоре во всей вселенной остались только два полуодетых, стоявших друг напротив друга человека, чьи пальцы переплелись в случайном прикосновении.

Ида подняла голову, посмотрела в лицо Игоря, но увидела только его очень нежные, красиво очерченные губы, которые она столько раз представляла в своих грезах, воскрешая в памяти первый детский поцелуй, похитивший ее сердце. Потом они целовались и еще, но в сердце навсегда остался то, самое первое прикосновение губ. Возможно, потому, что детский поцелуй не был замутнен страхом, а позже, оставаясь наедине с Игорем, Ида боялась, что однажды она не устоит перед соблазном, с головой нырнет в омут опьяняющих ласк и потеряет невинность.

Игор нежно взял руку девушки, провел ею по своему лицу, прижал к груди, – сердце стучало громко, в бешеном ритме, и Ида отчетливо ощущала ладонью каждый его толчок. Секунды длились и длились, а потом, сама не заметив как, Ида оказалась в объятиях Игоря, трепеща от его ласк и нежных поцелуев, настолько сладких, настолько прекрасных, что за каждый из них можно было с легкостью отдать и свое тело, и свою душу.

Нечто подобное происходило с ними не в первый раз, но всегда ласки заканчивались ничем – рассудительная Ида все же заставляла себя остановиться, понимая, что запретный плод все еще должен оставаться под запретом. Но сегодня была другая ночь. Перед глазами полыхали языки пламени, плясавшие на окне банка, огонь разгорался все ярче, пожирая предрассудки прежней жизни. Теперь Ида стала другой...

Она больше не могла противиться желанию. Все, что переполняло душу изнутри, вырвалось наружу и, поборов смущение, девушка сама принялась ласкать Игоря, наслаждаясь каж-

дым прикосновением к его упругому, загорелому телу, а потом начала неловко расстегивать его брюки.

– Ты не пожалеешь? – прошептал он, чувствуя, что сейчас окончательно потеряет контроль над ситуацией.

– Никогда. Никогда, Игор.

В захламленном гараже было трудно развернуться, и оба не слишком хорошо представляли, что должны были делать, – откровенные сцены из увиденных украдкой кинофильмов оказались плохим подспорьем, на самом деле все оказалось иначе – жарче, напряженней, проще, но прекрасней. Протиснувшись между картонными коробками, наполненными ненужными вещами, они повалились на старый матрас в углу, путаясь в одежде и почти ослепнув от сумасшедшей страсти, не сознавая реальности, сходя с ума от объятий, от прикосновений кожи и инстинктивно чувствуя, что должны слиться в единое неразделимое целое.

И даже боль, вошедшая в тело Иды, не отрезвила ее, она жаждала, чтобы этот миг длился вечно, жаждала чувствовать Игора всем своим существом, задыхаться от этого чувства, быть с ним всегда...

Не без труда пробравшись сквозь плотную толпу курсировавших от бара к бару гуляк, Ида с Игором вошли в полутемную, декорированную под пиратский корабль таверну на углу площади – излюбленное место досуга их компании, где друзья коротали вечера за выпивкой и болтовней. Появление влюбленной парочки сразу привлекло внимание, – лица вошедших словно светились изнутри, отражая безграничное счастье, наполнявшее их души.

– Привет, новость слышали? – сидевшая на высоком табурете у стойки девушка с волосами цвета каштана встала со своего места и подошла к Игору – Насчет банка?

Тот только кивнул, притворяться он не мог, равно, как и сказать правду.

– Эти ребята молодцы. Чистая работа. Не знаю, кто они, но молодцы. Пью за наших! – Лора подняла недопитый стакан красного вина, что держала в руке, осушила несколькими глотками. – Удачи им!

– Удачи!

– Удачи, – повторила Ида, с вызовом посмотрев в глаза красавице Лоре, уже имевшей к своим восемнадцати годам два привода в полицейский участок.

Известие об атаке на офис банка распространилось по барам и тавернам, словно пламя степного пожара, став в этот вечер основной темой разговоров. Молодежь бурно обсуждала подробности нападения, кто-то, успевший выпить слишком много вина, собирался немедленно продолжить начатое и идти на штурм полицейского участка, кто-то предлагал сорвать нацистский флаг, висевший на здании мэрии. Голоса звучали все громче, сливаясь в сплошной гул, сигаретный дым окутывал таверну плотной завесой, а нарисованный на стене «Веселый Роджер» зловеще ухмылялся, наблюдая за происходящим.

Игор и Ида не принимали активного участия в общем разговоре. Воспоминания о страстных объятиях и смертельном риске, которому они подвергли себя пару часов назад, превратились в волнующую, жгучую тайну, наполнившую их жизнь особым смыслом. Они переглядывались, как сообщники, вместе смеялись над понятными только им шутками, настроившись на одну волну, обретая то необычное, счастливое состояние, когда два человека чувствуют и мыслят одинаково, между ними царит гармония, эмоции созвучны, и не надо слов, чтобы понимать друг друга.

Теперь они стали другими. Взрослыми, как им казалось. И потому всю ночь напролет они беззаботно смеялись и пили без меры, пьянея от молодого вина и близости друг друга. Время текло незаметно, счастье было беспредельным. Праздник, тем временем, подошел к концу совершенно неожиданно для потерявшего ход времени Игоря, посетителей выставили из закрывающейся таверны, и пьяная молодежь разбрелась по улицам, каждый по-своему соби-

раясь скоротать остаток ночи. Никого уже не пугала возможная встреча с полицейскими патрулями, опасные речи и алкоголь подарили гулякам безрассудное бесстрашие и уверенность в себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.